

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
на тему:

Конъюнкционализация в разных типах речи (корпусное исследование)

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Отечественная филология»
(Русский язык и литература)»

очной формы обучения
Капустина Татьяна

Научный руководитель:
д. ф. н., проф. Богданова-Бегларян Н. В.

Рецензент:
к. ф. н., ст. преп. Рыко А. И.

Санкт-Петербург
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ЯЗЫКА И РЕЧИ.....	9
1.1. Корпусный подход к анализу речевого материала.....	9
1.1.1. Национальный корпус русского языка как основа для описания актуальных процессов русской грамматики	12
1.1.2. Звуковой корпус русского языка как база для анализа устной речи.....	13
1.2. Материал и методика исследования	14
1.3. Переходные явления в системе частей речи	16
ГЛАВА 2. КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ.....	23
2.1. Термин «конструкция» в современной лингвистике	23
2.2. Союз как ядро конструкции.....	27
ГЛАВА 3. ЛЕКСИКАЛИЗОВАННАЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНАЯ СЛОВОФОРМА ПО ИДЕЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ..	31
3.1. Лексикализованная предложно-падежная словоформа ПО ИДЕЕ. Данные словарей и грамматик.....	31
3.1.1. Словарные данные	31
3.1.2. Синонимические связи лексикализованной предложно-падежной словоформы <i>ПО ИДЕЕ</i>	32
3.1.3. Антонимы лексикализованной предложно-падежной словоформы <i>ПО ИДЕЕ</i>	32

3.2. Семантика лексикализованной предложно-падежной словоформы ПО ИДЕЕ	33
3.3. ПО ИДЕЕ в противительных конструкциях	48
3.4. ПО ИДЕЕ в роли рефлексива.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	66
ПРИЛОЖЕНИЕ. Распределение по годам лексикализованной предложно- падежной словоформы ПО ИДЕЕ в основном подкорпусе НКРЯ..	73

ВВЕДЕНИЕ

В современном языкознании все больше исследователей обращается к изучению «периферийных», промежуточных, явлений, которые не вписываются в традиционную лексико-грамматическую классификацию. И причина этого кроется не столько в несовершенстве современных трактовок и существующих классификаций языковых явлений, а, скорее, в том, что живой язык, и в частности русский язык, с общим числом носителей более 166 миллионов, – это развивающаяся система, подверженная изменениям как извне, так и изнутри. Именно постоянное изменение, реализация языковых фактов в речи носителей языка приводят к возникновению промежуточных, переходных, явлений, которые невозможно отнести вполне и без оговорок к тому или иному классу или группе классификации: «Признать связь и взаимодействие порядка и беспорядка, необходимого и случайного заставляет нас и такая система систем, как язык» (*Штайн* 2001: 11). Об этом же писал и Л. В. Щерба: «...надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов» (*Щерба* 1958: 35).

В связи с существованием «промежуточных» случаев особое внимание в современной лингвистике уделяется изучению и описанию явления переходности в русском языке: «Переходность – это такое свойство языка, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований» (*Бабайцева* 1967: 21). В работах отечественных лингвистов рассматривается явление переходности во взаимодействии знаменательных частей речи (см.: *Лопатин* 1966, 1967; *Бабайцева* 1991; *Калечиц* 1991; *Богданов, Смирнов* 2004; *Шигуров* 1988; и др.), во взаимодействии знаменательных и служебных частей речи (см.: *Черкасова* 1967, 1973; *Прияткина* 1978; *Штыкало* 1991; и др.), а также

переходные и синкретичные явления в синтаксисе (Бабайцева 1967; Валимова, Покусаенко 1983; Чеснокова 1991; Шабалина 1991).

Настоящая работа посвящена описанию явления *конъюнкционализации* в русском языке, то есть перехода слов знаменательных частей речи в союзы, на примере одной единицы – лексикализованной предложно-падежной словоформы (ЛППС) *по идее*.

Объектом настоящего исследования выступает русская письменная и устная спонтанная речь, организованная в корпус. **Предмет** исследования – ЛППС *по идее*, ее функциональная и семантическая специфика, особое внимание в работе уделяется рассмотрению союзной функции указанной единицы.

Целью работы является описание явления конъюнкционализации в современной устной и письменной русской речи.

Выбранная цель предполагает постановку и решение следующих **задач**:

- обзор научной литературы по исследуемой теме (языковая переходность, синкретизм, конъюнкционализация, коллоквиалистика, синтаксис и пунктуация, модальность);
- сбор и систематизация материала исследования;
- разработка классификации значений исследуемой единицы;
- описание особенностей функционирования формы *по идее* в устном и письменном тексте;
- разграничение собственно союзов (ядро классификации) и союзных средств (периферийные явления), поиск «ниши» для синкретичных новообразований.

Актуальность данного исследования заключается в том, что в центре внимания оказывается явление конъюнкционализации, которое находит отражение как в устной, так и в письменной формах русской речи. Настоящая работа становится в один ряд с исследованиями явления языковой переходности, активно развивающимися с середины XX века по

сегодняшний день. Большое значение имеет привлечение в качестве материала исследования устной спонтанной речи, анализ которой позволил выявить специфические особенности употребления исследуемой единицы, а также расширить представление о функциональных возможностях синкретичных союзных средств в русском языке.

Источником *материала* для данного исследования послужили три корпуса:

- 1) устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ): 202 употребления исследуемой единицы;
- 2) блок «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ): 23 употребления исследуемой единицы (см. о нем: *Степанова и др.* 2008; *Asinovsky et al.* 2009; *Звуковой корпус...* 2013; *Богданова-Бегларян и др.* 2015 а, б, в, 2017а; *Русский язык повседневного общения...* 2016);
- 3) газетный подкорпус Национального корпуса русского языка (ГП НКРЯ): 500 употреблений исследуемой единицы.

Научная новизна исследования заключается в том, в работе представлен сопоставительный анализ явления конъюнкционализации в устной и письменной формах речи, а также предпринята попытка дать наиболее полное описание функционально-семантических особенностей формы *по идее*, ранее отдельно не рассматривавшейся, дополнены и уточнены сведения, представленные в словарях и грамматиках русского языка.

Практическая значимость работы усматривается в том, что лексикографическое описание исследуемой единицы может стать основой соответствующей статьи для *Словаря русской повседневной разговорной речи* и/или *Словаря прагматем русской речи*. Такие словари могут быть использованы для преподавания русского языка как иностранного и в практике перевода.

Основные *методы* работы:

- метод контекстного анализа (выявление специфических функций и значений формы *по идее*);
- описательный метод (описание особенностей употребления формы *по идее*);
- сопоставительный метод (сравнение полученных результатов с данными словарей и грамматик, сравнение функционально-семантических особенностей формы *по идее* в устной и письменной формах речи);
- квантитативный метод (метод простых количественных подсчетов).

Структура работы отражает ее содержание и включает в себя следующие разделы:

- 1) введение;
- 2) две теоретических главы;
- 3) исследовательская глава;
- 4) заключение;
- 5) список использованных сокращений;
- 6) список использованной литературы, словарей и других источников.

Апробация. Основные положения и результаты данного исследования были представлены в докладах и сообщениях на ряде конференций:

- 1) XIX, XX и XXI Открытые конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, апрель 2016, 2017, 2018 гг.);
- 2) Международная конференция молодых студентов-филологов (Таллин, февраль 2017 г.);
- 3) Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017» (Москва, апрель 2017);
- 4) Международная конференция молодых филологов (Тарту, апрель 2017 г.);
- 5) Студенческая конференция Института лингвистики РГГУ – СКИЛ (Москва, апрель 2018 г.).

По результатам проведенного исследования были опубликованы следующие *статьи*:

- 1) Особенности функционирования вводного слова «по идее» в устной спонтанной речи // Материалы XIX Открытой конференции студентов-филологов. Санкт-Петербург, 18–22 апреля 2016 года. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. – С. 285-289;
- 2) Форма «по идее»: особенности функционирования в письменной речи (корпусное исследование) // Язык. Культура. Образование. Материалы III Межвузовской научно-практической конференции. 30.03.2017. – СПб.: Михайловская Военно-Артиллерийская Академия. – С. 33-35.
- 3) Вводное слово *по идее* как показатель некатегоричности высказывания // Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв.ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2017.
- 4) *По идее* вводное слово, а на самом деле... Об особенностях функционирования формы *по идее* в русской спонтанной речи // Русская филология. 29. – Тарту: Тартуский ун-т, 2018. – С. 438-447.
- 5) Функциональные возможности формы *по идее* в устной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. – № 2 (16), 2018. – С. 52-65.

ГЛАВА 1

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ЯЗЫКА И РЕЧИ

1.1. Корпусный подход к анализу речевого материала

Последние десятилетия несомненное первенство в анализе и описании языковых явлений принадлежит *корпусной лингвистике*, т. е. тому разделу компьютерной лингвистики, который занимается «разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий» (Захаров 2005: 3). «Корпус в современной лингвистике, в отличие от любого набора текстов, может быть более точно определен как ограниченный по объему набор электронных текстов, собранных с целью максимально точно представлять исследуемый вариант языка» (McEnery, Wilson 1996: 24), ср. также: под термином *лингвистический*, или *языковой, корпус текстов* понимается «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» (Захаров 2005: 3).

Привлечение корпусного материала к исследованиям позволяет по-новому взглянуть на язык и знаменует переход от анализа системы (*langue*) к анализу речи (*parole*), как письменной, так и устной. Именно изучение устных текстов стало своеобразным прорывным шагом в современном языкознании, сегодня происходит ориентация лингвистов на изучение узуса. По утверждению В. А. Плунгяна, в настоящее время корпус – «это фактически справочно-информационная система по современному русскому языку, позволяющая получать ответы на самые неожиданные вопросы – более того, позволяющая ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» (Плунгян 2005: 13); «корпус – это не просто дань техническому прогрессу или более удобный инструмент для поиска примеров; это именно примета новой идеологии изучения языка, для которой

язык – вообще говоря, *и есть корпус* (курсив автора. – *Т. К.*), как бы вызываяще это ни звучало по отношению к предшествующей теоретической традиции» (*Плунгян 2008: 12*).

Корпус может выступать базой для проверки научной гипотезы, уже засвидетельствованных в грамматиках данных, оценки их актуальности (см. *Перцов 2006а, б*). С помощью корпусов стала возможной постановка перед лингвистикой новых задач, подразумевающих фиксацию развития языка в тот или иной ограниченный период времени (несколько столетий или даже десятилетий), как-то: «малозаметные изменения сочетаемости и значений слов, изменения частотности различных конструкций или частотности употребления лексических и грамматических вариантов, регистрация появления или угасания отдельных явлений языка и т. п.» (*Плунгян 2008: 14*). Обязательная для корпуса разметка, в частности, морфологическая и синтаксическая, облегчает для исследователя поиск определенной грамматической формы на материале большого массива текстов.

В. П. Захаров и *С. Ю. Богданова* определяют целесообразность создания и использования корпусов следующими предпосылками:

1) достаточно большой (репрезентативный) объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений;

2) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что создает возможность их всестороннего и объективного изучения;

3) однажды созданный и подготовленный массив данных может использоваться многократно, различными исследователями и в различных целях (*Захаров, Богданова 2011: 8*).

Подключение корпусного подхода к анализу языковых явлений способствует развитию методологии лингвистики, и сейчас зачастую многие исследования, выполненные на материале корпусных данных, тесно граничат с компьютерной лингвистикой и психо- или социолингвистикой. Это

выражается, с одной стороны, в применении программ для сбора материала, а именно: наличие разметки является одним из главных элементов корпуса, который отличает его от простого собрания текстов, благодаря разметке возможно осуществить быстрый поиск необходимой словоформы, коллокации, конструкции. Кроме того, не стоит забывать, что все современные корпуса представлены в электронном формате, без чего не было бы возможно все вышеперечисленное. Корпусные данные активно используются в исследованиях, посвященных выявлению частотности употребления исследуемой единицы или составлению частотных списков/словарей (см.: *Leech et al* 2001; *Ляшевская, Шаров* 2009; *Шерстинова* 2016), возможности сочетаемости (см.: *Демин* 2002; *Enikeeva, Mitrofanova* 2017), особенно это актуально для ненормативных вариантов (см. *Разумовская, Кононова* 2016). С другой стороны, использование корпуса способствует привлечению более широкого контекста и анализу дискурса в целом: набирают популярность социолингвистические исследования, большое внимание уделяется прагматической ценности изучаемых явлений (см.: *Богданова-Бегларян* 2014, 2015, 2016; *Апресян В. Ю., Шмелев* 2016; *Колмогорова* 2016).

Как уже было отмечено, основу корпусной лингвистики составляют сбалансированные, аннотированные и размеченные корпуса текстов. Существующие в настоящее время корпуса отвечают различным исследовательским требованиям: могут быть узконаправленными (такowymi являются Русский учебный корпус, Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов, Корпус русских публицистических текстов второй половины XIX века и др.), а могут представлять язык во всем его разнообразии, и эту роль берут на себя национальные корпуса. Пожалуй, самым известным и самым ранним корпусом является Британский Национальный корпус, насчитывающий 100 миллионов слов¹. Для русского

¹ Данные приведены с сайта Британского Национального Корпуса <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (BNC 2018).

языка наиболее представительным является Национальный корпус русского языка, общий объем которого – более 600 млн. слов². Остановимся на нем подробнее.

1.1.1. Национальный корпус русского языка как основа для описания актуальных процессов русской грамматики

Национальный корпус русского языка является результатом большого проекта РАН, начатого в 2001 году. В настоящее время НКРЯ включает электронные тексты письменного русского языка XVIII – начала XXI вв. (основной подкорпус), записи устной речи, газетный, поэтический и диалектный корпусы, синтаксически размеченный корпус, акцентологический, мультимедийный и обучающий подкорпусы, корпус древнерусского языка, а также параллельный русско-английский и русско-немецкий корпус. Национальный корпус имеет две важнейшие особенности, которые позволяют реализовывать лингвистические исследования. Во-первых, «он характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов. Это означает, что корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.), и что все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода» (*Что такое корпус?* 2018). Во-вторых, «корпус содержит особую дополнительную информацию о свойствах входящих в него текстов (так называемую разметку, или аннотацию)» (*там же*). В НКРЯ в настоящее время используется пять типов разметки: метатекстовая, морфологическая (словоизменительная), синтаксическая, акцентная и семантическая, что позволяет осуществлять успешный поиск необходимой словоформы, сочетания слов в рамках такого большого корпуса.

² Данные приведены с сайта Национального корпуса русского языка <http://www.ruscorpora.ru/> (НКРЯ 2018).

В составе Национального корпуса русского языка выделяется также устный подкорпус (УП НКРЯ). Источниками устных текстов предстают записи интервью, радиопередач, круглых столов. В устном подкорпусе представлена также тексты, относящиеся к неформальному общению (записи телефонных разговоров, разговоров с друзьями, беседы). Все это обеспечивает богатство и разнообразие материала исследования для лингвиста. Разработанная поисковая система и система разметок позволяет осуществлять поиск конкретной грамматической формы среди большого количества текстов, а результаты позволяют выявить особенности функционирования исследуемой единицы в контексте ее использования. Национальный корпус русского языка не претендует на отражение всех фактов в языке, но благодаря представительности материала может отражать существенные тенденции языковых изменений разных периодов, а «если мы хотим выявить наиболее динамичные структуры живого русского языка – если мы хотим хотя бы отчасти заглянуть в будущее русского языка, мы должны обратиться к стихии устной речи, не скованной традицией и нормой» (Плунгян 2005: 9), что возможно осуществить, обратившись к устному подкорпусу, а также у другим корпусам, представляющим устную речь.

1.1.2. Звуковой корпус русского языка как база для анализа устной речи

Сбор и систематизация живого речевого материала – главная цель, которую ставили перед собой создатели Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ), который активно разрабатывается в настоящее время на филологическом факультете СПбГУ. «Перспективной задачей данного корпуса является фиксация разных форм естественного языка в целях создания грамматики речи и решения актуальных задач современных речевых технологий» (Асиновский и др. 2010: 510).

В составе ЗКРЯ реализуется проект «Один речевой день»: «внимание разработчиков данного модуля Звукового корпуса сосредоточено на естественной, повседневной речи носителей русского языка» (Звуковой

корпус... 2013: 114). «Приоритетная задача данного проекта заключается в том, чтобы получить записи русской спонтанной речи в максимально естественных условиях» (*Звуковой корпус... 2013: 114*). Естественность речи при этом понимается в двух аспектах:

1) ничто не должно влиять на особенности речевого поведения говорящего в конкретных речевых ситуациях;

2) информант реализует свое поведение в стандартных речевых ситуациях (*там же*).

Запись проводится с использованием диктофона, прикрепленного на говорящем стационарно, в течение целого дня. В период участия в проекте информант ведет дневник «речевого дня», в котором отмечает своих коммуникантов и описывает ситуации, в которых происходила коммуникация. Таким образом, в результате реализации данного проекта возможен анализ непосредственно живой речи, порожденной в процессе естественной коммуникации в повседневных условиях. Лингвистам становится доступным материал, в котором отражены главные особенности современной разговорной речи, приспособленной, главным образом, для коммуникации в неформальной обстановке, а также исследователям доступна характеристика информантов и их коммуникантов, что открывает новые возможности для развития лингвистики живой речи и способствует продвижению создания грамматики речи для русского языка.

1.2. Материал и методика исследования

Настоящее исследование посвящено рассмотрению процесса *конъюнкционализации* в современной устной и письменной речи, в частности, проявлению союзной функции у лексикализованной предложно-падежной словоформы *по идее*. Исследуемая единица не получила должного описания в традиционных грамматиках и словарях, но в настоящее время активно используется носителями русского языка³, поэтому важную часть работы

³ Распределение по годам контекстов с исследуемой единицей в основном подкорпусе НКРЯ демонстрирует стабильный рост количества употреблений с 1980-го года (см. приложение 1).

составляет описание семантики и функциональных особенностей ЛППС *по идее*. Основные наблюдения и выводы в работе сделаны на основе контекстного анализа употреблений данной единицы в устной речи, так как, следуя за авторами монографии «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса», можем утверждать, что «наши представления о любом естественном языке являются неполными и даже искаженными, если они не основываются на данных устной формы этого языка» (Кибрик, Подлесская 2009: 26).

Таким образом, источниками устной речи для настоящего исследования стали устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) и модуль «Один речевой день» (ОРД) в составе Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ). В связи с небольшим объемом материала устной речи (всего 202 и 23 вхождения исследуемой единицы соответственно), а также для проверки и сопоставления полученных результатов проводился и анализ письменной речи, а именно был использован газетный подкорпус Национального корпуса русского языка (ГП НКРЯ), откуда методом сплошной выборки было извлечено 500 контекстов с исследуемой единицей. Выбор именно газетного подкорпуса в качестве источника материала для исследования письменной речи объясняется тем, что «язык газеты как разновидность массмедийного языка концентрированно отражает все те динамические процессы, которые оказывают влияние на развитие русского языка. Изменения происходят под знаком демократизации языка, отхода от официальности и ориентации на живую естественную непринужденную речь» (Казак 2012: 4)». Язык газеты, да и в общем язык СМИ, является той губкой, которая «впитывает» в себя средства и возможности других функциональных стилей, в зависимости от целей и установок автора, и, в первую очередь, язык СМИ ориентируется на актуальные тенденции живой речи, не доходя до откровенно сниженного уровня используемых средств: он должен быть понятен широкой аудитории. «Обращаясь к пластам национального языка, не обладающим качеством

литературности, газета перерабатывает, осваивает их и, в конечном счете, олитературивает. Это естественный и закономерный процесс демократизации языка газеты, а посредством газеты и литературного языка в целом. Расширяется лексикон, появляются новые средства выражения. Язык развивается» (Солганик 2003: 8). Таким образом, язык газеты выступает тем стилем, в котором отчетливо проступают новые, активные процессы современного русского языка, он является тем мостиком, через который они в дальнейшем поступают в «фонд» литературного языка. С учетом специфики предмета настоящего исследования, его ориентации на функционирование ЛППС *по идее* в современном русском языке, именно язык СМИ, на наш взгляд, может дать наиболее полную информацию об актуальных тенденциях письменной речи.

1.3. Переходные явления в системе частей речи

Явление языковой переходности, дающее богатый и интересный материал для исследования, постепенно выходит из периферийной зоны лингвистических описаний и становится одним из главных объектов внимания современной лингвистики. «Для значительного количества языковых фактов типичные синтаксические модели и лексико-грамматические классы слов оказываются “прокрустовым ложем”» (Бабайцева 1967: 7), именно поэтому данные языковые «исключения» должны быть описаны: даже являясь исключением из принятых правил, они не перестают быть фактами языка. Вообще, существование языковой переходности и синкретизма не есть упрек в несостоятельности современной классификации языковых и речевых явлений, но есть непосредственное доказательство постоянного развития языковой системы за счет собственных ресурсов. Перечисляя тенденции современной лингвистики, В. А. Плунгян пишет, что последнее время особенно актуальны исследования, посвященные описанию диахронической вариативности языка: «язык постоянно меняется во времени и полностью отвлечься от этой нестабильности невозможно», поэтому «признается, что “строгое синхронное” описание языка является

иллюзией; более того, полное грамматическое описание языка должно иметь своего рода “размытый” характер, включая сведения не только о способах выражения грамматических значений, но и о динамике изменений этих способов на протяжении наблюдаемых исторических отрезков» (Плунгян 2008: 16).

«Промежуточные» случаи в синтаксисе и морфологии были описаны в значительном количестве работ, существуют различные наименования данных явлений: *транспозиция* (Балли 1955), *трансляция* (Теньер 1988), *деривация* (Курилович 1962), *конверсия* (Смирницкий 1998). Рассмотрим далее в общих чертах особенности каждой из концепций.

Ш. Балли осознавал важность существования *транспозиции* для развития языка и писал: «Замкнутые в своих категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам речь освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки» (Балли 1955: 143). Ш. Балли выделял два вида транспозиции: функциональную и семантическую. *Функциональная транспозиция* – явление, при котором языковая единица изменяет свою синтаксическую функцию, но сохраняет значение (Ш. Балли приводит следующий пример: существительное *plan`ete*, не меняя своего значения, становится (функционально) прилагательным в *(syst`eme) plane`taire* ‘планетная (система)’). *Семантическая транспозиция* предполагает изменение синтаксической функции одновременно с изменением семантического наполнения слова (например, существительное *sang* ‘кровь’ становится прилагательным *sanglant* ‘кровавый’ (при этом функциональная транспозиция представлена при переходе в прилагательное в сочетании *vaisseau sanguin* ‘кровеносный сосуд’). И в том, и в другом случае рассматривается изменение частеречной принадлежности слова, при этом основное внимание сосредоточено на сохранении/изменении его значения. Ш. Балли разделяет описываемые два явления во временном плане: «замена

функций относится к синхронии, изменение же смысла относится к эволюции», но при этом автор подчеркивает, что «эта эволюция может быть очень близкой к состоянию рассматриваемого языка, и часто трудно бывает решить, имеем ли мы в данном случае тот или другой тип» (Балли 1955: 131).

Л. Теньер, аргументируя важность выделения *трансляции* в языке, ссылается на работы Ш. Балли, в которых уже было описано явление *транспозиции*. Л. Теньер предлагает новый термин для этого явления, говоря о том, что «термин “трансляция” на один слог короче, и, следовательно, более удобен в обращении, и, главное, может служить удобной основой для целого терминологического гнезда» (Теньер 1988: 398). Но перечисленные различия между двумя концепциями не единственные: Л. Теньер разделяет трансляции по типу реализации (ориентируясь на формальные характеристики), а также отдельно описывает формальную трансляцию, когда «трансляции подвергается не синтаксическое содержание слова, а лишь его внешняя форма, вне зависимости от его возможного синтаксического состояния» (там же: 403), при этом такого рода трансляции может подвергаться словосочетание и даже высказывание. Примером формальной трансляции для русского языка может служить следующее высказывание: *Служил он что ли в ополчении? – Какое в ополчении?* (И. С. Тургенев) (там же: 405). Л. Теньер рассматривает деривацию как застывшую трансляцию (там же: 418).

Е. Курилович связывает явление *деривации* с наличием у слов первичной и вторичной синтаксических функций (признается связь лексического значения и синтаксической функции): он употребляет термин *деривация* в широком смысле слова, «понимая под деривацией не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в различных вторичных (здесь и далее в цитатах разрядка автора. – Т. К.) синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом

окружении» (Курилович 1962: 61). Е. Курилович разделяет лексическую и синтаксическую деривацию: «в то время как синтаксическая деривация происходит внутри одного и того же лексического значения, деривация лексическая предполагает, что исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции» (Курилович 1962: 63) (например, образование абстрактного существительного *высота* ‘качество быть высоким’ от прилагательного *высокий* будет синтаксической деривацией, но появление у существительного *высота* значения ‘измерение, размер по вертикали’ уже является лексической деривацией (то есть понятие лексической деривации включает в себя появление у слова переносных значений). Первичной синтаксической функцией для существительных признается подлежащее, для глаголов – сказуемое, для прилагательных – определение к существительному, для наречий – определение к глаголу (*там же*: 60). Как отмечает В. В. Бабайцева, «синтаксическая деривация у Е. Куриловича соответствует синтаксической транспозиции у Ш. Балли» (Бабайцева 2000: 65).

А. И. Смирницкий определяет *конверсию* как «такой вид словопроизводства, при котором словообразовательным средством служит только парадигма слова» (Смирницкий 1998: 71), то есть для конверсии важно различие в парадигме: «это их и различает как разные слова, образованные путем изменения парадигмы» (*там же*: 72) (например, *love* ‘любовь’ и *love* ‘любить’).

Термины *переход*, *переходность* являются традиционными для отечественной лингвистики.

А. А. Шахматов писал о том, что «между словом и принадлежностью его к той или другой части речи не только нет обязательной необходимости в данной форме слова, но также <...> одни части речи могут переходить в другие, не изменяя своей формы» (Шахматов 1952: 36). Кроме того, в работе А. А. Шахматова предложены термины для наименования процессов перехода из одной части речи в другую: «процессы перехода из одной части

речи в другую мы будем называть латинскими терминами, как субстантивация, адъективация, вербализация, прономинализация, адвербиализация, конъюнкционализация и др.» (разрядка автора. – Т. К.) (*Шахматов* 1952: 36).

А. М. Пешковский считал, что можно говорить о переходности в тех случаях, «когда переход совершается на наших глазах, когда длинный процесс перехода своей серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы останавливаемся в недоумении над словом и не знаем, к какой части речи его отнести» (*Пешковский* 2001: 142-143). Если же этот процесс для слова завершился, «когда оно (*слово*. – Т. К.) уже перешло в другую категорию», то о “переходности” говорить не стоит, а в таком случае происходит уподобление слова исходной части речи другой части речи (например, уподобление прилагательного существительному: *портной, зодчий* и др.) (*там же*). При этом А. М. Пешковский осознавал, что в языке существует огромное количество «промежуточных» явлений: «между полным обладанием формой и полной бесформенностью существует огромное количество переходных ступеней. Язык вообще “не делает скачков”» (*там же*: 14).

Как отмечает В. В. Бабайцева, «при исследовании частных случаев транспозиции анализируются лишь “крайние случаи” – функциональные омонимы, а явления зоны синкретизма или совсем не рассматриваются, или только упоминаются» (*Бабайцева* 2000: 77). Так, именно образование функциональных омонимов в русском языке или изучение так называемой *зоны синкретизма* становится одной из наиболее актуальных задач современной русистики.

Большой вклад в изучение явлений переходности в грамматике принадлежит В. Н. Мигирину (*Мигирин* 1968, 1971). Исследователь анализирует явления переходности как диахронные и использует термин *трансформация*. Заслуга же в изучении явлений переходности в синхронии принадлежит В. В. Бабайцевой и ее последователям.

В работах В. В. Бабайцевой явления синхронной переходности получают название *синкретичных* и признается существование в языке (при взаимодействии слов различных частей речи) *зон синкретизма*: «Зона синкретизма – это область переходных образований, характеризующихся синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи как в синхронном, так и в диахронном плане» (Бабайцева 1983: 37). При переходе слов из одной части речи в другую образуются *гибридные слова*, «синтезирующие дифференциальные признаки разных частей речи» (она же 1971: 82).

Особенно интересной представляется описание В. В. Бабайцевой переходных явлений. Каждую часть речи можно представить в виде круга, у которого есть *ядро* (включающее слова, типичные для данной части речи, в которых ярко выражены дифференциальные признаки) и *периферия* (здесь находятся слова, в которых отсутствуют или неярко выражены какие-либо дифференциальные признаки, а также в них заключены признаки другой части речи). Таким образом, при возникновении переходных явлений в зоне наложения двух воображаемых кругов оказываются промежуточные слова, для которых характерно равновесие сочетающихся дифференциальных признаков (см. рис 1).

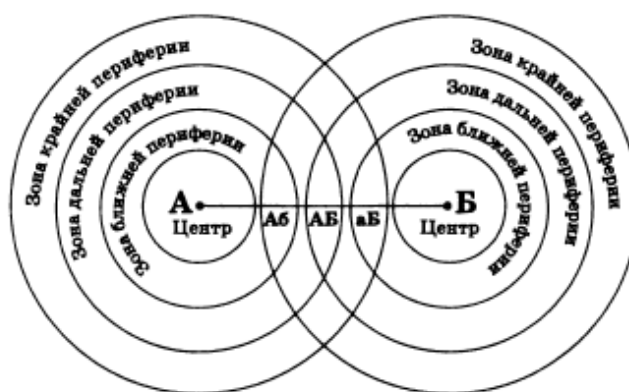

Рис. 1. Совмещение модели поля и шкалы переходности (см. Бабайцева 2000: 90)

Примерами такого рода могут быть субстантивированные прилагательные, адъективные причастия, союзы-частицы, а также причастия

и деепричастия (*она же* 1971). Переходность в работах В. В. Бабайцевой представляется как некий процесс «переливания» одного звена в другое, схематично он может быть изображен в виде *шкалы переходности*, где А, Б – конечные точки шкалы, а между ними находятся гибридные слова: периферийные (аБ, Аб) и промежуточные (АБ):

$$A \rightarrow Ab \rightarrow AB \rightarrow aB \rightarrow B \text{ (Бабайцева 1983).}$$

Ключевым элементом для переходных явлений является синтаксис: «В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчок к этим преобразованиям идет от синтаксиса» (*Виноградов* 1972: 30). Естественно, что переход из одной части речи в другую возможен при активном использовании данного слова в речи и, «обладая дифференциальными признаками в языке, в речи слово может изменить их под влиянием синтаксической функции» (*Бабайцева* 1983: 36).

При широком понимании *переходности* можно говорить о ее универсальности: она пронизывает все языковые уровни и устанавливает связи между единицами различных уровней. В таком случае явления переходности можно усмотреть и в семантических преобразованиях (например, включение в высказывание слов, снижающих категоричность, способствует «размыванию» оценки или суждения, и содержание высказывания попадает в «промежуточную» область между крайними точками: ложь/истина, хорошо/плохо и др.), в классификации языковых единиц (например, в классификации фразеологических единиц, предложенной В. В. Виноградовым, явно прослеживается тенденция к градуированию сочетаний по степени спаянности элементов и невыводимости общего значения из значений частей). Существуют также межуровневые переходные явления: преобразование лексем в морфемы (хрестоматийный пример – постфикс *-ся*) и частеречные переходы, обусловленные влиянием синтаксиса.

В настоящей работе нас интересует взаимодействие знаменательных и служебных частей речи, а именно явление конъюнкционализации.

ГЛАВА 2

КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

2.1. Термин «конструкция» в современной лингвистике

Как уже было отмечено, синтаксису отводится едва ли не главная роль в переходных процессах: «Синтаксическая функция не только дифференциальный признак частей речи, но и основное условие переходности в системе частей речи» (Бабайцева 1983: 36). Употребление слова в не специфичной, но допустимой для данной языковой системы позиции может способствовать появлению у него черт другой части речи, например, употребление существительного в роли обстоятельства приводит к появлению у него черт, присущих наречиям (неизменяемость формы, специфика значения), а затем может стать основанием к переходу его в наречия (ср.: *без умолку, понаслышке, до зарезу* и др.). В качестве другого примера участия синтаксиса в процессах переходности можно привести вводно-модальные слова и выражения: несмотря на то что они не образуют самостоятельной части речи, они выделяются в отдельную группу на основании функциональных (отсутствие связи с другими членами предложения вследствие ее постепенного ослабления) и семантических (выражение модальности высказывания) особенностей, но их состав расширяется за счет других частей речи. Закономерно, что синтаксис становится главным фактором при переходе слов из знаменательных частей речи в союзы, то есть при переводе их в разряд служебных слов (явление *грамматикализации*).

По определению, данному в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», союзы – это класс служебных слов, который оформляет синтаксические связи предложений и словосочетаний (связующая функция), а также обозначает содержательные отношения между связываемыми единицами (Васильева 2000: 484). Для настоящей работы важной является

именно связующая функция союзов в рамках предложения, где союз выступает ядром синтаксической конструкции.

Термин «конструкция» активно используется исследователями при описании синтаксиса русского языка: см. работы А. М. Пешковского (*Пешковский* 2001), Н. Ю. Шведовой (*Шведова* 1960) и др. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой находим следующее определение: «Конструкция – это синтаксическое целое, составленное из объединенных в речи языковых единиц, сочетающихся вследствие наличия у них определенных грамматических свойств» (*Ахманова* 1966: 200). Такое понимание данного термина является широким. В зарубежной лингвистике в конце XX века термин «конструкция» стал ключевым для целого направления – *грамматики конструкций*.

Теория грамматики конструкций была разработана Ч. Филлмором, ключевой работой в этом направлении признается статья, опубликованная в 1988 году, в которой на примере английской конструкции *let alone* показан пример анализа языкового материала в рамках новой теории (*Fillmore et al.* 1988). Теоретические аспекты нового направления были сформулированы в работах последователей Ч. Филлмора, а сам автор оставил множество статей, которые посвящены описанию конкретных английских конструкций. Итак, по данной теории, «конструкция C – это пара, состоящая из формы и значения $\langle F, S \rangle$, такая, что некоторый аспект F или некоторый аспект S не выводимы регулярным образом из свойств элементов, входящих в C или из свойств других конструкций»⁴. Из этого определения следует, что конструкция, по мнению последователей рассматриваемой теории, обладает целостностью и идиоматичностью, при этом Е. В. Рахилина (одна из последователей Ч. Филлмора в отечественной лингвистике – см.: *Лингвистика конструкций* 2010) отмечает, что значение конструкции

⁴ «C is a CONSTRUCTION iff_{def} C is a form-meaning pair $\langle F_i, S_i \rangle$ such that some aspect of F_i or some aspect of S_i is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions» (*Goldberg* 1995: 4) (перевод – мой. – Т. К.).

«образуется не простой суммой, а сложным взаимодействием множества свойств отдельных компонентов» (Рахилина, Тестелец 2016: 16). Свойствами *конструкции* является также воспроизводимость на основе регулярных правил и возможность вычленить составные компоненты. В отличие от существующих идиом в области лексики и фразеологии, данные регулярные образования Ч. Филлмор называл *формальными идиомами* (Fillmore et al. 1988). Пожалуй, главной идеей исследователей в русле данного направления было и остается описание периферийных явлений, которые не вписываются в традиционную грамматику, которые противопоставлены «центру» (Рахилина, Тестелец 2016: 14-15), но связи между их компонентами намного сложнее и интереснее. Подводя итог, можем сказать, что главными чертами конструкции, следуя описываемой теории, являются цельность и единство конструкции как языкового знака (двуплановость), компонентный состав и особый тип взаимодействия между компонентами, невыводимость значения из простой суммы значений компонентов. Выделение конструкций возможно в области синтаксиса и морфологии. В отечественной традиции лингвистических исследований «примыкающими» к теории Грамматики конструкций можно назвать Н. Ю. Шведову (Шведова 1960) и Ю. Д. Апресяна (Апресян Ю. Д. 1967). Формально данные работы были изданы еще до исследований Ч. Филлмора, но по своим теоретическим установкам в описании языкового материала они оказываются колоссально близки (далее Ю. Д. Апресян продолжил работать в этом направлении).

Помимо уже обозначенного направления, в отечественной лингвистике с 60-х гг. развивается *Синтаксис конструкций*, где ключевым понятием выступает *синтаксическая конструкция*. Теоретические основы этого направления были изложены в работах А. Ф. Прияткиной (Прияткина 1977а, 2007а, б). В понимании А. Ф. Прияткиной, конструкция – это «некоторое синтаксическое целое (некоторое построение) 1) завершенное, с вполне определенными формальными границами; 2) имеющее внутреннюю формальную организацию (организацию, отвечающую определенному

принципу), соответствующую определенным смысловым, – высокой степени абстракции, – отношениям между компонентами и 3) реализующееся в речевых произведениях разного семантического содержания и разного коммуникативного назначения» (Прияткина 2007б: 43). Кроме того, для каждой конструкции «релевантно количество и качество компонентов, их формально-грамматическая характеристика, форма их связи, с учетом того, что все такого рода признаки подчинены содержанию отношений, формирующих семантику целого» (там же). Формальным стержнем союзной конструкции выступает союз, а наиболее типичным видом конструкции является построение, включающее более двух составляющих и более одного грамматического показателя оформления связи (она же 1977б: 16-17). А. Ф. Прияткина разделяет понятия *конструкция* и *синтаксическая единица*, говоря о том, что конструкции реализуются внутри синтаксических единиц, и границы их не всегда совпадают, при этом подчеркивается, что конструкция не представляет собой предикативного соединения слов (она же 2007а: 40). В качестве примеров такого рода конструкций автор приводит пояснительные конструкции (вводимые союзами *то есть, а именно*), построения с союзом *как* в значении 'в качестве', а также образования, возникающие в простых предложениях, но образованные с помощью подчинительных союзов *хотя, если* (один из спорных случаев грамматики). Таким образом, термин *конструкция*, предложенный А. Ф. Прияткиной в ее теории, относится к сложным и спорным случаям синтаксиса, не поддающимся однозначной трактовке: к различным видам осложнения простого предложения, сложного предложения, явлению вторичной союзной связи (ср.: *пришел, но поздно*). Сама А. Ф. Прияткина говорит о том, что термин *конструкция* приобретает значение особой синтаксической единицы в случаях, когда исследователь сталкивается с отвлеченной синтаксической моделью, которая не отвечает понятию какой-либо из известных или признанных синтаксических единиц (она же 1977а: 38).

В целом термин *конструкция* в синтаксисе достаточно распространен, он не заменяет собой понятие синтаксической единицы, но выступает при обращении к формальной стороне высказывания/словосочетания. Для конструкции важна выраженность связи между ее компонентами и, собственно, заполнение компонентной структуры (помимо ее цельности). В настоящей работе используется широкое понимание термина *конструкция*, так как в большинстве случаев анализируемый материал посвящен модификациям в структуре сложного предложения и для нас важно именно взаимодействие составляющих частей сложного предложения между собой в формировании смысла высказывания. Так как в центре нашего внимания находятся процессы конъюнкционализации, то естественно, что ключевыми для нас будут синтаксические конструкции, организующим центром которых выступает союз.

2.2. Союз как ядро конструкции

Союзы наравне с предлогами и частицами (в некоторых языках в эту группу включаются еще артикли) составляют класс *служебных слов*. Главная функция союза – связующая, реализуется при связи частей высказывания. Кроме того, как было продемонстрировано выше, союзы могут выступать центром особых конструкций в рамках простых или сложных предложений.

По своим формальным характеристикам союзы делятся следующим образом – см. рис. 2.

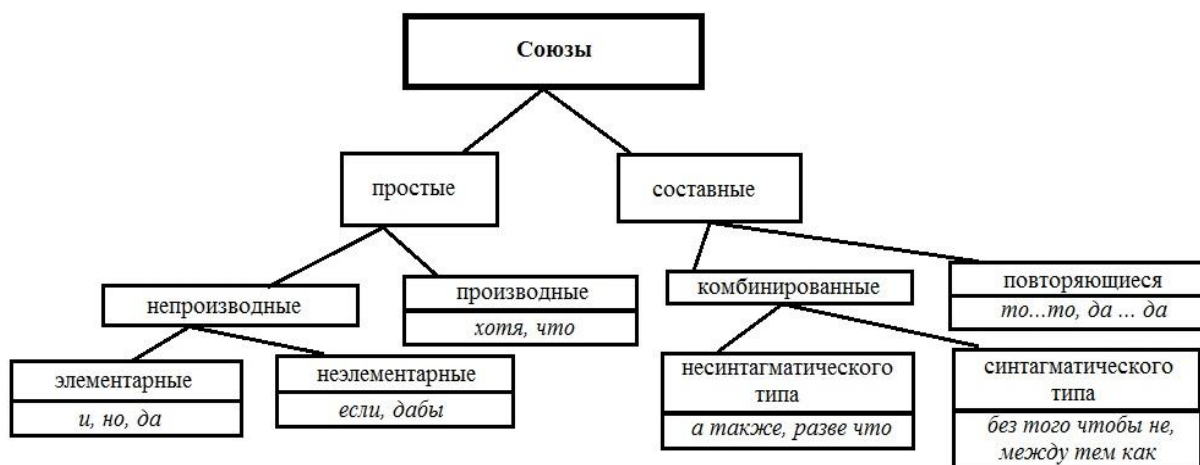

Рис. 2. Классификация союзов (Васильева 2000)

Помимо этого, в зависимости от способа «встраивания» в структуру высказывания, союзы делятся на одноместные и неодноместные (двухместные и многоместные). Как отмечается в «Русской грамматике» 1980 г. синтагматически автономные (что означает, что языковые средства, образующие союз, реализуют собственно союзные свойства и не являются членами предложения) двухместные союзные соединения (наиболее интересующие нас в данной работе) могут строиться по следующим схемам: 1) «союз – коррелят», 2) «союз – союз», 3) «вводное слово (или словосочетание) – союз» (*Русская грамматика* 1980: 718). Как можно заметить, вводные слова могут принимать участие в построении двухместного союза, что важно для настоящего исследования.

В зависимости от характера связи, оформляемой союзом, все союзы делятся на сочинительные и подчинительные: «если первые указывают на относительную смысловую автономность связываемых единиц (предложений или словоформ), то при помощи вторых выражается зависимость одной синтаксической единицы от другой» (*Васильева* 2000: 484).

Союзы – особый разряд слов, значимый в функциональном плане для построения речи, так как именно союзы не только связывают отдельные фрагменты в целое (в словосочетаниях, предложениях и даже тексте), но также эксплицируют саму связь, отношения между составляющими

конструкции, ср.: «Союз индивидуализирует конструкцию и снижает степень ее абстрактного значения, вводя более или менее ярко выраженный семантический компонент» (Прияткина 1977а: 12). В современном русском языке, помимо союза и союзных средств, существуют союзоподобные средства связи, ср.: «расширяется круг знаменательных (полуформальных) элементов, служащих показателями семантико-синтаксических отношений и часто совмещающих функцию союза с другой синтаксической функцией, являющейся для них основной» (она же 1978: 46). «Многие из них относятся к разряду “гибридных” слов, у которых союзные функции являются как бы придатками к их основной грамматической роли» (Виноградов 1972: 578). К таким гибридным словам относятся некоторые группы модальных слов (*итак, напротив, правда, тем не менее, будто*), наречий (*потом, пока, зато*), частиц (*ведь, вот, тоже, также, лишь*) (Виноградов 1972: 578).

Исследователи русского языка предполагают, что «язык нуждается не только в чисто грамматических средствах выражения смысловых связей и отношений между синтаксическими единицами», но для языка необходимы «лексико-грамматические средства связи, сохраняющие в известной мере лексические значения, которые позволяют дифференцировать смысловые связи и отношения» (Бабайцева 1983: 38). Все это обуславливает «сохранение значений и разные степени грамматикализации знаменательных слов» для потребности «выразить оттенки, которые трудно передать без синкретичных лексико-грамматических средств» (*там же*). Таким образом, класс союзов может пополняться единицами различных частей речи (Черкасова 1973), но не все единицы, которые могут выполнять связующую роль, обязательно пополняют класс союзов: «союзоподобие можно рассматривать как некоторую относительно самостоятельную функцию», и «языку, по-видимому, нужна такая промежуточная категория» (Прияткина 1977а: 23). «Защищая» класс союзов от союзоподобных элементов, А. Ф. Прияткина выделяет характеристики *собственно союза*:

1) способность образовывать синтаксическую конструкцию (конструирующая функция);

2) формально-синтаксическая позиция, в которой закрепились функции связи (*она же* 1978: 55).

Таким образом, союзы входят в ядро группы связующих средств, но разнообразие союзоподобных элементов не позволяет игнорировать факт их развития и пополнения за счет слов других частей речи (морфологическая неизменяемость становится основанием для их перехода), поэтому они занимают периферию связующих средств и могут именоваться не союзами, а *союзными эквивалентами* или *аналогами союзов* (*она же* 1978). В современном русском языке такие союзоподобные элементы также стремятся образовывать устойчивые и воспроизводимые конструкции со специфическим значением, но они, на наш взгляд, пока недостаточно описаны. В настоящей работе предпринята попытка анализа функционирования конструкции, ядром которой становится ЛППС *по идее*: анализируется семантика и функционирование единицы в устной и письменной речи, модификации, вносимые ею в противительную конструкцию, а также роль описываемой конструкции в тексте.

ГЛАВА 3

ЛЕКСИКАЛИЗОВАННАЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНАЯ СЛОВОФОРМА *ПО ИДЕЕ*: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

3.1. Лексикализованная предложно-падежная словоформа *ПО ИДЕЕ*. Данные словарей и грамматик

3.1.1. Словарные данные

Лексикализованная предложно-падежная словоформа *по идее* получает толкование в Большом академическом словаре (БАС) 2007 г. – в словарной статье на существительное *идея*, где приведены два ее значения:

1) ‘по замыслу, в теории’ – *В вашем плане есть... смелая попытка на ходу кардинально перестроить турбинное производство с индивидуального на серийное. По идее не ново, но правильно, нужно и, как мне кажется, интересно.* Кетлинская. Дни нашей жизни;

2) ‘как будто бы, предположительно’ – *Предполагается, что те, кто создает комедию, обладает чувством юмора. По идее так и должно быть.* Брагинск. Нелегкое чувство комедии (БАС 2007: 46).

В первом случае дается толкование сочетания существительного в форме Дат. п. с предлогом *по*. Во втором случае *по идее* выступает как вводное слово с модальным значением вероятности. Стоит также обратить внимание на то, что в БАСе форма *по идее* отмечена как фразеологизм.

В «Большом толковом словаре русского языка» (БТС) *по идее* определяется как наречие и также приводятся два его значения:

1) ‘по замыслу, как задумано’;

2) ‘как будто бы, предположительно’ (с пометой *разг.*). *По идее он должен быть дома* (БТС 1998: 375).

Важным отличием данного толкования является отнесение второго значения к сфере разговорной речи.

Описание ЛППС *по идее* дано и в «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову», причем здесь оно характеризуется как вводное слово

с пометой *разг* и со значением ‘как будто бы, предположительно’ (Рогожникова 2003: 298).

Таким образом, ЛППС *по идее* получает толкование в словарях современного русского языка, в которых подчеркивается неизменяемость его формы (отнесение к наречиям, к эквивалентам слова) и отнесение к классу слов со значением вероятности (значение ‘как будто бы, предположительно’).

3.1.2. Синонимические связи лексикализованной предложно-падежной словоформы *ПО ИДЕЕ*

В толковых словарях русского языка ЛППС *по идее* соотносится с модальными словами вероятности, предположительности: *как будто бы, предположительно*.

Обращает на себя внимание список синонимов исследуемой ЛППС, который приводится в «Большом словаре-справочнике синонимов русского языка» системы ASIS: *вообще, в общем-то, обобщая, вообще говоря, в принципе, вообще-то, заключаая*. В данном словаре ставится акцент на новом значении ЛПС *по идее*, а именно: значении обобщения, заключения (Тришин 2018).

Таким образом, анализ словарей синонимов показал, что ЛППС *по идее* включается в группу модальных слов со значением вероятности и предположительности, а также близко к ЛППС, выполняющим связующую функцию в тексте.

3.1.3. Антонимы лексикализованной предложно-падежной словоформы *ПО ИДЕЕ*

ЛППС *по идее* стало предметом специального исследования А. И. Ражевой (Ражева 2015). Автор определяет изучаемую единицу как *дискурсивный маркер* и рассматривает особенности его употребления и пунктуации при нем. Особенностью работы А. И. Ражевой является сопоставление двух дискурсивных маркеров: *по сути* и *по идее*. Анализ их словарных значений показал сходство толкований практически во всех

словарях, но исследователь считает, что, «несмотря на то что слова *суть* и *идея* имеют общие семы, дискурсивные маркеры *по сути* и *по идее* имеют разные, даже противоположные, значения: *по сути* = *в действительности, на деле* VS *по идее* = *по замыслу, в теории*». В результате своего исследования А. И. Ражева приходит к выводу, что между данными дискурсивными маркерами существует противопоставление: *по сути* = *фактически* VS *по идее* = *предположительно* (Ражева 2015: 385).

Таким образом, в представленном противопоставлении отражено важное и одно из центральных значений ЛППС, определяющее его употребление в современном русском языке – выражение какой-либо нормы, предположение, что оно определяет подчеркивание контраста между действительным и должным положением вещей.

Как можно заметить, ЛППС *по идее* получает описание, главным образом, на материале письменной речи, при том что в некоторых словарях описывается с пометой *разг.* Настоящее исследование посвящено описанию особенностей функционирования и семантики ЛППС *по идее* именно в устной спонтанной речи, представляющей интересный материал для исследования и позволяющей составить наиболее полную «картину» значений и употреблений этой формы в современном русском языке. Этому исследованию и посвящена следующая часть работы.

3.2. Семантика лексикализованной предложно-надежной словоформы ПО ИДЕЕ

ЛППС *по идее* представляет собой застывшую форму существительного *идея* в Дат. п. с предлогом *по*. В. В. Виноградов в своей статье, посвященной описанию модальных слов, перечисляя продуктивные пути пополнения описываемого класса, указал на следующий способ образования модальных слов: «предлог *по* с формой Дат. п. существительного, иногда в сопровождении определяющего его прилагательного, а чаще всего – с определяющей его формой Род. п. от названий или указаний на лицо: *по мнению, по словам, по описанию* такого-

то, по преданию, по слухам» (Виноградов 1975: 68). Таким образом, ЛППС *по идее* по способу своего образования примыкает к ряду модальных слов, указывающих на источник представляемого суждения. Отчасти это подтверждается на материале настоящего исследования. В устной речи примеров такого употребления ЛППС *по идее* нет, но в письменной речи они представлены:

- (1) *Главой организации, **по идее** нобелевского лауреата, должен стать ректор Санкт-Петербургского академического университета РАН, то есть он сам* [А. Кашеварова. Борьба за науку переросла в борьбу за имущество РАН // Известия, 2013.12.02];
- (2) ***По идее** Александра Галушки, превращать Дальний Восток в Сингапур можно только совместно с предпринимателями, «людьми дела», которых в регионе сейчас единицы* [А. Евстигнеева. Александр Галушка выяснил, как превратить Дальний Восток в Сингапур // РБК Дейли, 2013.11.05].

Как видно, в контекстах (1)-(2) ЛППС *по идее* выступает составной частью вводного выражения, указывающего на автора сообщения: *по идее* становится в ряд с такими единицами, как *по мнению, по сообщению, по словам*. В этом употреблении значение *по идее* соответствует первому значению, упоминаемому в БАСе (ср.: ‘замысел, план, намерение’). При этом стоит отметить, что не во всех случаях указанное вводное словосочетание в предложениях обособляется. Так, в материале представлены примеры, где запятые при вводном словосочетании, центром которого выступает единица *по идее*, отсутствуют, см.:

- (3) ***По идее** законодателей вступление новой нормы о скидке при оплате штрафа позволит не только стимулировать добровольную оплату штрафов водителями, но и разгрузить судебные инстанции от огромного объема лишней работы* [Д. Рункевич. На быстро уплаченный штраф дадут скидку в 50 % // Известия, 2014.02.21];
- (4) ***По идее** Серебренникова жизнь здесь должна кипеть постоянно, с трех часов дня до глубокой ночи* [М. Шимадина. «Гоголь-центр» сделал ставку на молодежь // Известия, 2013.02.01].

Можем предположить, что такое «вольное» обособление вводного словосочетания связано с тем, что постановка знаков препинания при ЛППС

по идее остается на усмотрение автора: «Зачастую трудно определить, является ли слово *по идее* вводным. В спорных случаях решение о постановке знаков препинания принимает автор текста» (*Грамота.ру* 2018). Действительно, в тексте могут возникать спорные случаи, когда трудно определить как значение, так и функцию рассматриваемой единицы, но отсутствие знаков препинания при явном вводном словосочетании можно считать ошибкой авторов текста.

Значение лексикализованной словоформы «является мотивированным, потенциально выводимым из значений входящих в ее состав единиц» (*Крылова* 2002: 12), поэтому для характеристики семантики ЛППС *по идее* обратимся к существительному *идея*. Приведем толкования формы *по идее*, представленные в Большом академическом словаре русского языка (*БАС* 2007: 45-46):

1) ‘понятие, представление, отражающее действительность в сознании человека, выражающее его отношение к ней’. Пример: *Русская классика возникла из высоких нравственных идей и вместе с ними постоянно сопоставляла эти идеи справедливости, равенства, разумного и гуманного устройства человеческого общества с реальным человеком* (*Залыгин «Писатель и традиции»*)

*‘обобщенный теоретический принцип, объясняющий сущность явлений’ (идея о материальности мира);

2) ‘определяющее положение в системе взглядов, воззрений, убеждение’. Пример: *Пфуль был смешон, был неприятен своей ироничностью, но вместе с тем он внушал невольное уважение своею беспредельной преданностью идее* (*Л. Толстой «Война и мир»*);

3) устар. ‘мысль, дума’. Пример: *Голядкин ни о чем не мог думать, хотя идеи его цеплялись за все как терновник*. (*Ф. Достоевский «Двойник»*);

4) ‘основная, главная мысль, определяющая содержание какого-либо произведения’ (*идея картины*)

*‘основной принцип устройства чего-либо’. Пример: *Машина вертикальная, скороходящая, имела очень оригинальную конструкцию. Идея этой машины мне чрезвычайно понравилась* (М. Павлов «Воспоминания металлурга»);

5) ‘замысел, план, намерение’. Пример: *Он никогда ничего не изобрел и не мог бы ничего разработать, но ему приходили на ум разные идеи, вроде, например, электроаккумулятора, который должен быть маленьким, легким и мощным* (К. Федин «Первые радости»)

*‘гипотеза, предположение’.

Вернувшись к представленным выше контекстам употребления ЛППС *по идее*, можем заметить, что в них реализуется значение существительного *идея*: ‘замысел, план, намерение’, при этом обязательно наличие субъекта, который выступает «носителем» этой идеи. Можно предположить, что дальнейшее развитие данной единицы пойдет по этому пути, но факты языка демонстрируют иное.

На материале устной и письменной речи были найдены примеры, в которых *по идее*, выступая в роли предложно-падежного сочетания, имеет другое значение, ср.:

(5) *Подобных машин с нечетным количеством дверей по бокам больше нет, но есть молодежные автомобили, близкие **по идее*** [А. Гречанник. Тест-драйв Hyundai Veloster: нарядный «Солярис» // Комсомольская правда, 2013.04.12];

(6) [№ 2, муж] *В 1993 году мы вместе с Борисом участвовали во встрече с Уильямом Колби / и он там сказал одну очень горькую фразу. Он сказал / **по идее** / ваше ФСК (тогда так называлось) от нашего ЦРУ ничем не отличается. Единственное различие заключается в обстановке / в которой работает ЦРУ и в которой работает ФСК* [Круглый стол на тему «Система СОРМ – угроза конституционным правам граждан Российской Федерации» // Из коллекции НКРЯ, 1998].

В контекстах (5)-(6) *по идее* означает «основной принцип организации, устройства, работы чего-либо» (значение 4), либо замысел, но замысел маркирован не как принадлежащий какому-либо лицу, а как лежащий в основе описываемого объекта. Разница между двумя блоками примеров

очевидна и заключается в большей или меньшей степени «проявления» лица в описываемой ситуации. Если в первом случае идея выступает как замысел, мнение определенного лица, о котором идет речь, то во втором случае идея выступает как принцип существования какого-либо объекта. Таким образом, уже в случае, когда *по идее* выступает в своем первичном значении, являясь обычным сочетанием существительного с предлогом, видна возможность существования различных оттенков этого значения. На наш взгляд, в основании выражаемой модальности исследуемой единицы заложено второе из рассмотренных значений, а именно ‘основной принцип устройства чего-либо’, что будет продемонстрировано в работе далее.

Как уже было отмечено, единица *по идее* сохраняет в своем значении компоненты значения имени существительного, от которого она образована. В большей или меньшей степени такая зависимость проявляется и в материале исследования, но явно прослеживается «отделение» от производящего слова, в некоторых случаях представлена размытая семантика, вплоть до развития у формы *по идее* модально-оценочного значения (налицо процесс переходности). Для удобства рассмотрения примеров употребления, выставим два полюса для распределения полученных данных. Первый полюс – предложно-падежное сочетание со значением ‘основной принцип устройства чего-либо, замысел, лежащий в основе чего-либо’ (пользуясь шкалой переходности, предлагаемой в своих работах В. В. Бабайцевой, можно обозначить это значение А). Второй полюс – проявление «чистой» модальности, выступление формы *по идее* в качестве модально-оценочного компонента высказывания (по шкале переходности – В). Стоит отметить, что бóльшая часть контекстов попадает в «промежуточный» отрезок, и это обусловлено сложностью определения семантики в каждом конкретном случае, а также переходным характером исследуемой единицы, ее несомненной полифункциональностью. Схематично такое распределение значений представим следующим образом – см. рис. 3.

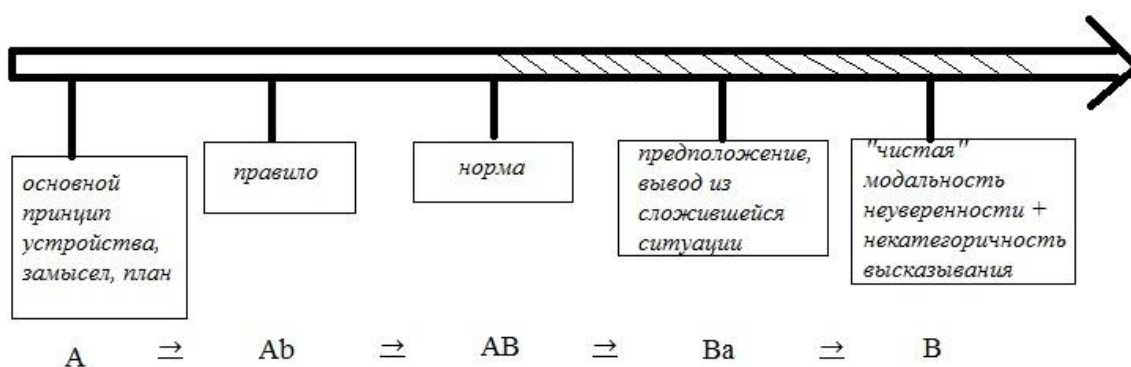

Рис. 3. Значения лексикализованной предложно-надежной словоформы ПО ИДЕЕ на шкале переходности

Зоной штриховки отмечено проявление у ЛППС *по идее* модальности неуверенности. Крайнее левое значение относится к случаям, представленным в контекстах (5)-(6). Стоит отметить, что зачастую сложно отнести контексты с исследуемой единицей к тому или иному значению, во-первых, потому что значения достаточно близки, во-вторых, семантика единицы не всегда четко «считывается» на основании анализа контекста, поэтому в данной работе мы выделяем «ядерные» семантические характеристики, к которым относим то или иное употребление. В данном разделе работы позволим себе объединить примеры из письменной и устной речи, так как значение и функции ЛППС *по идее* в них идентичны.

1) *По идее* вводит в высказывание правило:

(7) *Я не знаю деталей, почему они перезаключили договор. Но конкурс должен был быть обязательно. Если так произошло, то по идее они должны были рассмотреть альтернативные предложения. Бывают ситуации, когда победитель очевиден, но тем не менее правила есть правила и их необходимо соблюдать, – говорит он [А. Кашеварова, А. Сивкова, П. Чернышев. ГУМ хотят отдать Куснировичу до 2063 года без торгов // Известия, 2014.06.10].*

В контексте (7) говорящий, описывая ситуацию, пытается анализировать ее, исходя из установленных норм, обуславливает долженствование наличием определенных правил.

- (8) *По идее* если фирма на грани разорения, она может легально продать биоматериалы другому банку и оповестить своих клиентов. Если же фирма продаст клетки нелегально, то это уголовно наказуемо [А. Велигжанина. В Москве разгорается скандал: никто не знает, куда исчезли стволовые клетки младенцев // Комсомольская правда, 2014.04.24].

В примере (8) (отрывок из интервью) говорящий ссылается на существующие нормы и правила. Интересные наблюдения можно вывести из сопоставления двух предложений в этом контексте. В обоих случаях представлена теория, правила, норма, но только в одном из предложений употреблено *по идее*, причем употреблено оно там, где возможны альтернативные варианты. К примеру, фирма может не продавать хранящиеся у нее биоматериалы, тогда, возможно, за этим последуют тяжбы с клиентами, вмешательства правоохранительных органов, так как она несет ответственность за предоставляемые услуги. Но во втором предложении наличие альтернативных вариантов невозможно. Сложно представить себе высказывание следующего вида:

- *Если же фирма продаст клетки нелегально, то *по идее* это уголовно наказуемо.

Данный пример (8) является хорошей иллюстрацией того, в каких контекстах *по идее* может использоваться, а в каких его употребление невозможно.

Далее обратимся к устной речи:

- (9) *Ведь по идее / мы должны получать информацию об этих детях / которым надо помочь от структур «НК» / которые вроде как работают / а вроде как мы не видим этой работы / вот в чем дело.* [Телепередача о беспризорных детях // Из коллекции НКРЯ, 2005].

В примере (9) говорящий апеллирует к утвержденному правилу, на которое опирается деятельность учреждения. При анализе второй части высказывания можно сделать вывод, что данное правило не реализуется в действительности: *вроде как работают / а вроде как мы не видим этой работы.*

- (10) [№ 6, муж, 67] *Поэтому / наверное / это основная трудность / почему пока не придумано реально / как делать эту реформу. А по идее / конечно / это не наша задача с вами решать / где взять деньги на ремонт* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

В примере (10) форма *по идее* вводит указание правило, установленный порядок. И в данном контексте говорящий также стремится снизить категоричность своего высказывания, ища «поддержки» у идеи (в данном случае – у установленной нормы, известной и говорящему, и слушающему). Пример интересен еще и тем, что в одном контексте соседствуют *по идее* и *конечно*. Случаи такого употребления неоднократны в материале, ср.:

- (11) [Алина, жен, 21] *Мне говорят / что так на месяц вряд ли дадут / если по обычному приглашению. Я даже не знаю. Блин / а вдруг не дадут. По идее / должны / конечно / дать* [Разговор трех женщин // Из коллекции НКРЯ, 2005];

- (12) [№ 6, муж, 45] *Потому что простые милиционеры / сержантики / то есть / простые гражданские люди / которые у нас по улицам ходят / они обратили внимание на этих террористов. А по идее / конечно / должно ФСБ было работать. Как раньше КГБ работало* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

Приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии у формы *по идее* в данном значении модальной семантики, ведь сложно представить употребление подряд двух модальных лексем с различной степенью выражаемой уверенности. *По идее* может снижать категоричность высказывания, и это уже находится в области прагматики, но не стоит путать данную функцию с проявлением модально-оценочного значения. Кроме того, анализ представленных примеров показывает, что в каждом высказывании есть показатель модальности долженствования (зачастую слова *должен*, *должен был* и т. д., в примере (10) это выражено инфинитивным предложением). Таким образом, в данных контекстах уже появляется лицо (Ab), но не как «автор» идеи, а как следующий ей.

2) *По идее* вводит в высказывание норму, принятую в данном обществе и ожидаемо реализуемую. Выражение нормы в материале исследования

тесно связано с указанием на правило, различаем же их по строгости предписания. Фактически норма строится на основании каких-либо правил, мы же принимаем понятие нормы как ориентацию на общественные «соглашения» о том, что должно происходить в этой конкретной ситуации, ср.:

- (13) *Если клуб полностью частный, я бы еще подумал. Твои деньги, действительно, **по идее** можешь делать, что хочешь. Хоть Месси с Роналдо покупать* [В. Славин. Мой любимый клуб стал чужим. Виталий Славин об отмене лимита на легионеров в ПБЛ // Советский спорт, 2013.02.03];
- (14) *Дальше, **по идее**, должен решать народ. А крымчане давно настроены либо на отделение, либо на переход к России "*, — подчеркивает эксперт [Население Крыма настроено на отделение, считает эксперт // РИА Новости, 2014.02.26].

В контексте (13) говорящий указывает, что ситуация, в которой человек использует свои деньги (или вообще свое имущество) на свое усмотрение, является нормальной. Из первого предложения можно предположить, что говорящий противопоставляет клуб частный и клуб, поддерживаемый государственными структурами. Контекст (14) можно рассматривать как совмещение правила и нормы: в демократических странах именно народ, обладая правом голоса, выбирает свою дальнейшую судьбу.

В устной речи примеры такого употребления ЛППС *по идее* также широко представлены, ср.:

- (15) [№ 10, жен, 55] *А от страны немножко ушла / потому что сейчас не работаю / сидим дома / далеко куда-то ушли от нее / я никого не трогаю и / в общем-то / **по идее** / если сам никого не трогаешь / то никто не трогает и тебя **по идее*** [№ 4, муж, 49] *Это не факт* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003]⁵;
- (16) [№ 4, жен, 51] *Может / обществу.* [№ 7, муж, 33] *Да / может быть. Значит / олигархам. **По идее** / кто у кормушки / если говорить по-народному.* [№ 9, муж, 61] *Конечно* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

⁵ В контексте (15) нас интересует первое употребление ЛППС *по идее*. Особенности второго употребления данной единицы будут рассмотрены ниже, в разделе 3.4.

В примере (15) говорящая приводит в качестве аргумента норму, по которой строит свою жизнь: *если сам никого не трогаешь, то никто не трогает и тебя*. В контексте (16) говорящий также подтверждает свои слова апелляцией к «народной мудрости», обращается к установленной норме поведения в описываемой ситуации, при этом примечательно использование в конце высказывания рефлексива⁶ *если говорить по-народному*. Несмотря на то что говорящий приводит норму, он стремится «списать» ее «со своего счета», передав ее *народной мудрости*. Данная стратегия говорящего интересна и вообще, на наш взгляд, является преобладающей при употреблении ЛППС *по идее*. Употребляя эту форму, говорящий возводит свои слова в ранг какой-либо идеи, будь то правило, норма, закон, установленный порядок, логичные причинно-следственные связи или личный опыт. Обращение к этой абстрактной идее фактически позволяет говорящему избегать категоричности своего высказывания, он предоставляет возможность слушателям его подкорректировать (в примере (16) отражено согласие слушателей с мнением говорящего, но так происходит не всегда), исправить или же опровергнуть, при этом вина за недостоверность информации с говорящего снимается, ведь «идея» – не его авторства.

3) *По идее* вводит в высказывание логичный вывод, который говорящий делает при анализе ситуации. Фактически данный вывод представляет собой результат *нормального* развития ситуации, ср.:

(17) *Итак, вместе с первыми обстрелами под Дамаском взрыв произошел в Интернете: арабский телеканал Аль-Арабия заявил, что правительственные войска использовали химическое оружие в Восточной Гуте. Наш отель находится на краю старого города, через 300 метров начинается Восточная Гута. Все это время мы пристально следили за происходящим с крыши разных зданий. По идее, если бы химическое оружие было бы использовано, вряд ли я сейчас*

⁶ В понимании *рефлексива* мы опираемся на определение Н. В. Богдановой-Бегларян: «это единица, свидетельствующая об оценке говорящим собственного высказывания, уже произнесенного или готовящегося к произнесению» (Богданова-Бегларян 2015: 11). Возможно употребление рефлексива в ситуации поиска или без таковой. Как отмечает Н. В. Богданова-Бегларян, «говорящий непроизвольно, рефлексивно, реагирует на только что сказанное или на то, что хочет произнести, и тем самым действительно осуществляет некоторое метаязыковое комментирование» (там же: 13).

писала этот текст [Н. Бероева. Сирия: кто применил химическое оружие? // Комсомольская правда, 2013.08.22].

В данном примере (17) *по идее* вводит вывод, логичный в данной ситуации, который подтверждается действительностью: текст написан, следовательно, химическое оружие в данном районе использовано не было.

(18) *Вроде бы мы занимаем первый номер рейтинга ИИХФ. Но организаторы относятся к России не теплее, чем к сборной Австрии. Хотя по идее мы должны иметь королевские условия – лучшую раздевалку на арене, комфортное время тренировок, и играть весь турнир в одном городе, без переезда к черту на куличики* [П. Лысенков. Почему к сборной России в Хельсинки относятся как к папуасам? [ВИДЕО] // Советский спорт, 2013.05.06].

В примере (18) говорящий на основании высокого рейтинга российской команды, предполагает, что игрокам на время соревнований должны быть предоставлены лучшие условия, но в действительности происходит обратное.

Обратимся к примерам из устной речи:

(19) [Яна, жен, 20] *Я говорю / ты ска / по идее / не любишь / да?* [Виктор, муж, 26] *С чего ты взяла? Не / почему ж / люблю ска и играю* [Яна, жен, 20] *нет / ну просто обычно профессиональные духовики там джазом живут и всё такое...* [Разговоры о музыке // Из коллекции НКРЯ, 2006].

В примере (19) высказывается предположение-вывод говорящего, основанное на его представлениях о действительности. Предполагая, что джазовые исполнители не принимают другие разновидности музыки, некая Яна высказывает эту мысль собеседнику, и тот ее опровергает. Употребляя *по идее*, Яна также стремится снизить категоричность своего высказывания, так как, возможно, осознает, что может ошибаться. Эта «осторожность», желание «застраховать» себя на случай промаха очень часто встречается при употреблении говорящим ЛППС *по идее*.

(20) [Лариса, жен, 19] *Что с тобой делать будут?* [Женя, жен, 10] *К педиатру.* [Лариса, жен, 19] *А.* [Любовь, жен, 50] *Нам бы уже / по идее / не к педиатру надо ходить. Грудь уже большая.* [Женя, жен, 10] *Мам!* [Лариса, жен, 19] *Зато мозгов нет.* [Домашний разговор // Из материалов Ульяновского университета, 2007].

В примере (20) говорящая подчеркивает несоответствие происходящего тому, что, по ее представлениям, должно быть на самом деле.

4) *По идее* указывает на предположение говорящего, является «чистым» показателем модальности неуверенности и снижает категоричность высказывания, ср.:

(21) [муж, 52] *ну / слушай / а это надо (э-э) (а-а) к (а-а) / ну я понял там / да / *В (э-э) то есть ...* [муж, 20] *ну вот смотри / ну / давай / что это ? *П [муж, 52] (а-а) ...* [муж, 20] **Н / характеристики чего это ? *П [муж, 52] (а-а) ну (у-у) (у) как бы (э) / по идее / это () это это намено... наименование (э-у) компьютера / то есть у Хьюлета\$ (а-э) кажды(:)й / ну / вот то что они выпускают там / да / это ?* [муж, 20] *Н (ОРД).

Примеры такого употребления ЛППС *по идее* встречаются только в устной речи. Можно предположить, что в газетный текст такие высказывания намеренно не включаются журналистом (стоит помнить, что газетный текст редактируется, поэтому от оценки «качества» речи стоит воздерживаться). Как видно в примере (21), ЛППС *по идее* в данном значении появляется в речи, когда говорящий по каким-либо причинам испытывает затруднения при воспроизводстве речи (часто это происходит, когда говорящий либо затрудняется ответить на вопрос, либо старается избежать прямого ответа). В данном случае говорящий не может ответить на вопрос собеседника, поэтому в его речи очень частотны хезитации, паузы, метаязыковые маркеры (перечисленные явления в тексте подчеркнуты), и употребление *по идее* в данном контексте как раз и вызвано затруднениями говорящего, но отсылки к какой-либо норме, правилу нет, здесь рассматриваемое ЛППС выражает лишь предположение (зона В на шкале переходности).

Следующие примеры употребления ЛППС *по идее* представляют отрывки из диалога, в котором говорящий чувствует себя некомфортно и пытается избежать прямого ответа, ср.:

(22) [Татьяна, жен, 58] *Или экскурсию водить?* [Олег, муж, 16] *нет / ну просто...* [Татьяна, жен, 58] *Вы же вроде как бы экскурсоводы* [Олег,

муж, 16] *В принципе да / по идее* [Татьяна, жен, 58] *И чего / вам дадут экскурсии / будете...* [Олег, муж, 16] *Да не... Это еще рано* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2004];

(23) [Татьяна, жен, 58] *А что это такое ОБЖ?* [Олег, муж, 16] *Основы безопасности жизнедеятельности* [Татьяна, жен, 58] *Чего получил хоть?* [Олег, муж, 16] *Ну там по идее сказали / если сто рублей сдаешь / то у тебя пять. Но я не стал сдавать / у меня четыре* [Татьяна, жен, 58] *А почему? А сто рублей на что?* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2004];

(24) [Татьяна, жен, 58] *Вот тоже предмет / да* [Олег, муж, 16] *Ну а что / там человек пять соточки сдало точно* [Татьяна, жен, 58] *Хорошо / смотри / а она говорит / приносите по сто рублей / а на что по сто рублей-то?* [Олег, муж, 16] *Ну по идее / в том полугодии / я сдавал вот сто рублей. Там было типа то ли на сканер / то ли на принтер / то ли... х**н знает... А в этом году... я что-то даже не знаю... наверно опять... или просто так* [Татьяна, жен, 58] *Ну / молодцы ребята* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2004].

По контекстам (22)-(24) можно отметить, что говорящий испытывает неудобство при разговоре (мы не знаем, в каких отношениях находятся собеседники, но явно здесь большую роль играет разница в возрасте между ними): снижает категоричность своего высказывания использованием метаязыковых маркеров *в принципе, ну, типа, там* и др. (в тексте подчеркнуты). Таким образом, в крайней точке шкалы переходности ЛППС *по идее* максимально отдаляется от производящего имени существительного, становится модальным словом, показателем неуверенности говорящего.

Говоря о семантике ЛППС *по идее*, стоит обратиться к характеристике той группы слов, к которой она относится. В работе Г. М. Крыловой (см. Крылова 2002) дано описание особой группы лексикализованных предложно-падежных словоформ, объединенных общностью прагматического потенциала, – ЛППС с обобщающе-ограничительным значением. В ходе анализа особенностей семантики и прагматики ЛППС *в общем, в принципе, в целом* Г. М. Крылова отмечает, что в основе объединения данных ЛПС в одну группу лежат два значения: обобщающее и ограничительное (*там же*: 36). «Обобщение (здесь и далее в цитате курсив мой. – Т. К.), вводимое

данными словами, подразумевает логическую операцию, которая заключается либо в выделении из нескольких характеристик количественно преобладающей (такому выделению предшествует количественное сопоставление), либо в отвлечении от несущественных (с точки зрения говорящего) характеристик ситуации, либо в “суммировании” имеющихся характеристик и их количественном сопоставлении. *Ограничение*, содержащееся в семантике исследуемых слов, понимается как указание на неполноту распространения определяемого ими признака и, следовательно, на возможность наличия, кроме основной, других характеристик, не соответствующих главной (общей). Это делает закономерным сочетание всех слов с союзом “но” и возникновение в тексте сопоставительных, противительных и уступительных отношений» (Крылова 2002: 36-37). Н. С. Милянчук дополняет данную группу словоформами *в основном, по существу, по сути (дела), в сущности* и говорит о том, что «слова с обобщающе-ограничительным значением, актуализируя один из вариантов трактовки ситуации (обобщающий вариант, данный в отвлечении от подробностей), тем самым сигнализируют о наличии других, альтернативных трактовок» (Милянчук 2016: 163).

На наш взгляд, ЛППС *по идее* относится именно к этой группе слов с обобщающе-ограничительным значением. *Обобщение* в данном случае заключается в выделении, проставлении акцента на должном, «идеальном» порядке вещей при описании той или иной ситуации. *Ограничение* заключается в наличии альтернативной реализации ситуации. В общем виде функция формы *по идее* в высказывании сводится к противопоставлению «идеального» и реального планов развития ситуации, при этом противопоставление может быть явлено в тексте (наличие противительных союзов или противопоставление на смысловом уровне), или единственно упоминаемым в сообщении говорящего/пишущего является «идеальный» план, вводимый ЛППС *по идее*. На данную особенность исследуемой

единицы указывала еще *А. И. Ражева* в своей работе, противопоставляя слова *по идее* и *по сути* (*Ражева 2015: 385*).

При характеристике примеров мы апеллировали к понятию *(не)категоричности высказывания*. По мнению *Н. С. Милянчук*, обобщающе-ограничительное значение становится семантической основой для возможности функционирования определенных ЛПС в роли маркеров некатегоричности высказывания (*Милянчук 2005: 163*). Исследователь подчеркивает, что некатегоричность высказывания заключается в «эксплицитном или имплицитном информировании адресата речи о том, что представленное адресатом мнение (суждение) не является неоспоримым, единственно возможным, окончательным» (*там же: 12-13*). Так как специфика обобщающе-ограничительного значения заключается в возможности наличия отличных от выбранной трактовки и оценок, это позволяет говорящему избегать однозначных суждений, а слушающему – корректировать сообщение. Учитывая то, что форма *по идее* свидетельствует либо о представлении говорящим «теории», где практические реализации могут опровергать эту «теорию», либо об обобщенной оценке, которую говорящий присваивает ситуации, основываясь на своем личном опыте и взглядах, при этом конкретные факты могут противоречить ей, сама специфика такого значения позволяет судить о высказываниях как о некатегоричных, достоверность которых может быть опровергнута. Возможность такого опровержения зачастую реализуется непосредственно в сообщении говорящего/пишущего, см.:

- (25) *Среди множества рисков и угроз, связанных с драматическими событиями на Украине, в последнее время все более четко обозначается проблема, которая по идее не должна была оказаться проблемой* [А. Бирман. Меж капельками // Известия, 2014.05.05];
- (26) *Почему те или иные законодатели действуют не в интересах российских СМИ, которые они по идее должны поддерживать? – удивляется он* [А. Сивкова. Роскомнадзор выступил против досудебного блокирования СМИ // Известия, 2014.04.25];

(27) Само создание (повторное) «Фронта» в мае 2011 года стало отличным тактическим ходом в преддверии бурной политической зимы-2012: у эвентуальной оппозиции (которая **по идее** могла бы оказаться и куда более серьезной, чем случилось на деле) загодя отняли самую удобную для объединения и консолидации словесную формулу [В. Топоров. О прыжках в пустой бассейн // Известия, 2013.06.14].

Если в примерах (25)-(27) представлено смысловое сопоставление и противопоставление частей сообщения, то в материале исследования многочисленны примеры, когда *по идее* выступает в качестве основы противительной конструкции *По идее X, sed Y*. Этому и посвящен следующий раздел работы.

3.3. ПО ИДЕЕ в противительных конструкциях

Г. Н. Сергеева, описывая служебные функции некоторых групп ЛППС, отмечает, что «продуктивно употребление словоформ в качестве функционального аналога двухместного союза: они вписываются в круг словоформ, создающих подобные конструкции, но с присущими каждой лексеме оттенками смысла», и приводит примеры соответствующих аналогов двухместных союзов: *в принципе ... но, по преимуществу ... но; в целом ... но; в идеале ... но; по идее ... но; на вид (с виду, по виду) ... но* (Сергеева 2001: 288). Как видим, в данном ряду присутствует и исследуемая в настоящей работе словоформа *по идее*. Рассмотрим далее специфику функционирования формы *по идее* в противительных конструкциях.

Общий вид этих конструкций можно представить формулой *По идее X, sed Y*, где *X* (исходя из особенностей семантики ЛППС *по идее*) представляет указание либо на норму, правило, либо на логичное следствие, вывод из сложившейся ситуации. То есть *X* может принимать любое значение из рассмотренных выше «переходных» этапов. *Y* противопоставляется *X* в плоскости «идеальное – реальное», «теоретическое – практическое», «замысел – реализация», «правило, норма – реальность», см.:

(28) *И вот она стала партнером по проекту «Роснано» и увеличила в прошлом году выручку на 200 миллионов. По идее, нужно вычленять, но ведь можно и все чохом записать в нужную графу. И отразить в*

отчете как успех именно в nanoиндустрии. В предоставленных нам отчетах очень много путаницы и противоречий [А. Гришин. Аудитор Счетной палаты: «Мы проверили работу “Роснано”. О результатах можно сказать лишь одно: увы» // Комсомольская правда, 2013.05.19].

В примере (28) противопоставлены правило и иная возможность реализации описываемой ситуации: доходы нужно разделять (в идеале), но существует возможность все вместе записать в нужную графу, и этим пользуются. В такого рода примерах ЛППС *по идее* смягчает противопоставление двух частей высказывания, снижая категоричность той части, в которой сформулировано какое-либо правило или норма развития ситуации. Как было показано выше, для исследуемой единицы характерно употребление в контекстах, в которых возникают ситуации противопоставления некоего идеала и «суровой» действительности, но тенденция такова, что высказывания такого рода «отливаются» в форму достаточно жесткой конструкции *По идее X, sed Y* (23,35 % употреблений в письменной речи и 10,29 % в устной речи), где *по идее* выполняет роль составной части двухместного союза, ср.:

- (29) *По идее в демократических странах должно учитываться мнение большинства. Однако на деле мы видим, как активное меньшинство активно лоббирует свои интересы [Е. Теслова. В Конституции хотят прописать, что брак – это союз мужчины и женщины // Известия, 2014.04.02];*
- (30) *Официальное время, по которому мы живем, – штука условная и далеко не всегда совпадает с природным. Как проверить отличие? Засечь, когда солнце поднимается в зенит. По идее ровно в полдень. Но в реальности, например в Санкт-Петербурге, это происходит в 2 часа дня [Ю. Смирнова. Мы будем жить теперь по-зимнему // Комсомольская правда, 2014.07.10];*
- (31) [муж, 56] *По идее должно быть какое-то собрание и после этого только можно выводить / а тут наши сразу как заявили [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2001].*

Примеры (29)-(31) демонстрируют, что в качестве второй части двухместного союза могут выступать противительные союзы *а, но, однако*. В большей части примеров употребляется именно союз *но* (в 76 % случаев

в письменной речи и 81 % случаев в устной речи). Таким образом, можно считать рассматриваемую структуру модификацией противительной конструкции. На наш взгляд, ЛППС *по идее* если и не претендует на статус полноценного союза, исключительно связующего средства, то, по крайней мере, может считаться аналогом союза в ряду других сходных средств.

О «промежуточном» положении модальных слов в системе частей речи писали многие исследователи, ср.: «Особое место в системе частей речи занимают местоимения и модальные слова. Одной стороной они обращены к знаменательным частям речи, другой к служебным» (Черкасова 1973: 12). В. В. Виноградов указывал на то, что модальные слова «более лексичны, чем связочные слова», но «лишены номинативной функции, как и связочные слова» (Виноградов 1972: 32). Как уже было рассмотрено, в «Русской грамматике» 1980 г. упомянуто о возможности для модальных слов выступать в качестве составной части двухместного союза. Естественно, что при этом модальные слова-союзы не выступают только грамматическими показателями связи между частями высказывания, но также сохраняют лексические значения и являются показателями отношений между частями (порой отличных от тех, что представляются нам «каноническими» при описании союзов, как-то: уступительные, изъяснительные, сравнительные отношения и др.). Е. Т. Черкасова в своей работе, посвященной союзам неместоименного происхождения, говорит о том, что лексические значения союзов разнообразны, и необходимо различать 1) общие лексические значения, присущие союзам одной функционально-смысловой группы и 2) частные лексические значения, выделяющие определенный союз из функционально-смысловой группы, то есть в ряду функционально близких союзов (Черкасова 1973: 8). Кроме того, союзы выступают в речи грамматическим средством выражения модальности: эксплицируемые ими отношения между частями высказывания демонстрируют отношение сообщения к действительности. Е. Т. Черкасова пишет о том, что «местоименные союзы участвуют в построении таких предложений, которые

выражают логико-грамматические отношения в плане индикативной модальности: то, что сообщается в предложении, представляется говорящему как реальное, наличное в прошлом или настоящем или как реализуемое в будущем» (*там же*: 15). В эту группу входят союзы изъяснительные, временные, причинные, сравнительные. Союзы же неместоименного происхождения «зачастую участвуют в построении только таких предложений, которые выражают определенные логико-грамматические отношения в плане гипотетической модальности, то есть предложений, выражающих не реально существующие, а возможные в мире действительности связи» и «базой их образования могут быть модально окрашенные слова или формы слов неместоименного происхождения» (*Черкасова* 1973: 15). К этой группе союзов относятся производные от модальных слов: *пусть, пускай, будто, правда, благо, лишь, чуть, словно*. Таким образом, в языковой системе существует возможность перехода модальных слов в союзы с сохранением особенностей их лексического значения.

Центром рассматриваемой в данной работе противительной конструкции *По идее X, sed Y* выступает противительный союз (*а, но, однако*). Для того чтобы признать ЛППС *по идее* частью двухместного союза, необходимо рассмотреть то новое, что исследуемая единица привносит в противопоставление. Особенности значения противительного союза *но* достаточно подробно и полно описаны в работе В. З. Санникова «Русский синтаксис в семантико-прагматическом аспекте». По мнению В. З. Санникова, в конструкциях с союзом *но* (*X, но Y*) следует видеть несоответствие норме, нарушение нормального хода событий: «существует общепринятое и закрепленное в языке представление о нормальном ходе событий; в случае союза *но* нормальный ход событий нарушен наличием ненормального *Y-а*» (*Санников* 2008: 258). В. Ю. Апресян пишет, что в конструкциях типа *P, но Q* «*но* ненормального следствия указывает на то, что при наличии некоторой ситуации *P* ситуация *не-Q* является одним из

нескольких возможных вариантов развития событий – самым естественным, с точки зрения говорящего» (Апресян В. Ю. 2015: 60). Несмотря на близость трактовок употребления союза *но* и ЛППС *по идее*, значение рассматриваемых в данной работе противительных конструкций значительно уже.

Как уже было отмечено, основная функция ЛППС *по идее* в тексте – введение плана «идеального», будь то норма, правило или вывод-предположение говорящего. В противительных конструкциях происходит противопоставление «идеального» плана, вводимого формой *по идее*, и плана «реального», как того, что должно быть, и того, что произошло или имеет место в действительности. Сама специфика значения ЛППС *по идее* (обобщающе-ограничительное значение) способствует тому, что, помимо упомянутой говорящим возможности трактовки, существуют другие, которые могут ей противоречить. В случае с ЛППС *по идее* такое противоречие может быть выражено в смысловом противопоставлении частей текста (причем и в письменной, и в устной речи), ср.:

(32) *В прошлом году цена подешевела на 18 %, а за два года она обесценилась на 25 %, что по идее должно было помочь экспортерам. «Никто не спорит, что 2013 год стал плохим для торговли. Однако удешевление цены позволяло надеяться, что поставки вырастут к концу года и уровень дефицита хотя бы уменьшится», – сказал экономист HSBC Holdings Изуми Девалье. На деле, несмотря на представившуюся возможность, многие компании предпочли нарастить прибыль, а не снизить цены на свои товары и увеличить долю на рынках [Ю. Калачихина. Япония пожинает плоды отказа от атомной энергии // РБК Дейли, 2014.01.28].*

В примере (32) *по идее* выступает средством внутритекстовой связи, связывая противительными отношениями дистантно расположенные части текста. Связующими элементами в данном случае становятся формы *по идее* – *на деле*, а противопоставление проходит в плоскости «вывод-предположение, основанный на анализе ситуации говорящим, – факты

действительности», причем вывод-предположение здесь аргументируется пояснением (приведенная цитата экономиста).

(33) *Еще отпускной август, смертельный для любого стартапа, считается глухой порой – контрапункт года, пауза, все передыхают. Впрочем, у августа скверная политическая и катаклизменная репутация. Вот та же глухота и тишина, **по идее**, должна была сопутствовать и первым «теплым каникулам» в мае. Пора частной жизни, «дали картошку посадить», шашлык, Италия, Крит; любовь, а не война и пр. **Не тут-то было**. Не такими уж тихими праздниками начинаются майские дни [Е. Пищикова. Отдохнули // Известия, 2013.05.13].*

В примере (33) *по идее* также выступает средством внутритекстовой связи, «напарником» *по идее* в данном контексте выступает устойчивое сочетание *не тут-то было*.

(34) [№ 8, жен, 26] *Они как говорят / вот идет война / да? **По идее** / кто не воюет / трогать нельзя. **Пожалуйста** / вон журналисты там сидят в доме / в гостинице / а по ней палят из танка / бабах! Хорошо / что еще раз не ударили / а то все бы там привалили / всех бы [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Санкт-Петербург) // Фонд «Общественное мнение», 2003].*

В примере (34) *по идее* является средством внутритекстовой связи вместе с междометием *пожалуйста*, реализуя противопоставление высказываний как нормы и ситуации действительности.

Для описания перечисленных примеров следует обратиться к термину *текстовая скрепа*: «это слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» (Прияткина, Стародумова 2015: 234). Связывая части текста особыми отношениями, *по идее* выступает именно в роли текстовой скрепы.

Некоторые исследователи относят противительные союзы к средствам связи на уровне текста. Так, А. Ф. Прияткина делит все полипредикативные структуры, к которым применимо понятие «сложное предложение» на три категории: А – жесткие, Б – нежесткие, В – мягкие (слабые). Проверочным критерием выступает парцелляция, то есть операция, при которой каждая из предикативных единиц, входящих в состав сложного предложения, получает

статус отдельного высказывания. В письменном тексте это выражается в постановке точки между частями сложного предложения. (Прияткина 2007а: 47). Жесткая конструкция парцелляции (например, изъяснительные предложения) не допускает, нежесткая конструкция допускает парцелляцию, при этом разделение предикативных единиц в составе сложного предложения выполняет экспрессивную функцию (ср.: *Я приеду к тебе. Когда ты этого захочешь.*). «Мягкая (слабая) структура практически не подвергается парцелляции. Парадокс заключается в том, что в этом случае постановка точки в середине предложения настолько свободна, что она почти ничего не меняет и, значит, не дает эффекта парцелляции» (Прияткина 2007а 48), к конструкциям такого типа А. Ф. Прияткина относит сложносочиненные предложения с союзами *и, но, или, да*, аргументируя это тем, что разделение точкой не создает ощущения нарушения целого. Рассматривая текстовые функции словоформы *по идее*, Е. А. Шнырик акцентирует внимание именно на противительных отношениях, реализуемых *по идее* в рамках одного предложения или нескольких (при постановке точки перед противительным союзом) (Шнырик 2017). В настоящей работе, ориентируясь на традиционную классификацию сложных предложений, считаем сложносочиненные предложения с противительными союзами целой единицей, между частями которой возникают отношения взаимозависимости, которые определяют значение всей конструкции (см. описание союза *но* в работе В. З. Санникова). Таким образом, «идеальной» реализацией противительной конструкции *По идее X, sed Y* является сложносочиненное предложение, ср.:

- (35) *По идее супертяжелый вес должен быть самым зрелищным, но этого не происходит* [В. Сиротинин. Рябинский: «Мы поменяем 85 % тренерского штаба Александра Поветкина» // Известия, 2013.10.18];
- (36) *По идее Сергей Иванов должен был встретиться со студентами ВГИКа, но в итоге увидел вживую еще более интересных персонажей – абитуриентов, только мечтающих стать звездами экрана* [Д. Корсаков. Сергей Иванов принял экзамены во ВГИК // Комсомольская правда, 2013.06.18].

В примере (35) противопоставляется норма и реальность, в примере (36) в первой части конструкции представлена норма в рамках частной конкретной ситуации, во второй части – нарушение этой нормы.

Если в письменной речи можно ориентироваться на постановку знаков препинания, то в устной речи единственными показателями «слитности» частей конструкции являются паузы (долгие, сигнализирующие о конце высказывания, и короткие), ср.:

- (37) [№ 9, муж] *То есть / **по идее** / мы тут ни при чём / мы у власти не находимся / **но** то / что власть делает / это в принципе правые решения* [Заседание клуба «Новые правые» // Интернет, 2004];
- (38) [А. Цой, жен] *Мы сняли квартиру, у нас не было тогда квартиры, мы сняли ее у друзей в Медведково, приехали в эту квартиру, и должен был быть **по идее** романтический такой вот вечер, плавно переходящий в первую брачную ночь, **но** я в эту же первую брачную ночь заявила, что, так как комнаты две, спать он будет в одной, я буду в другой, и вообще, пока он не добьется моего расположения, ни о каких, там... «м-м» мысли... [перебивая] [Молчанов, муж, 56] Хорошее начало... [Ток-шоу «Частная жизнь» на телеканале «Россия» // Из коллекции НКРЯ, 2006].*

В примере (37) противопоставлена норма (видимо, по результатам выборов, партия действительно не находится у власти и не может влиять на решения), но, по факту, принимаемые решения соответствуют курсу данной партии. В примере (38) противопоставлены норма, принятая в обществе, всем известная, и неожиданное нарушение нормы в описываемой ситуации.

Факты языка таковы, что в большинстве примеров рассматриваемая конструкция подвергается парцелляции, ср.:

- (39) ***По идее**, России сейчас как никогда нужна поддержка союзников. **Однако** они не просто не спешат ее высказать, но просят очень большую цену за сохранение самого союза* [А. Бирман. Меж каплями // Известия, 2014.05.05];
- (40) *Действие обрамляют две попытки самоубийства. И если первая выглядит явно позерской – с белой свежей рубашкой и выкуренной напоследок сигареткой, то в успехе второй мы **по идее** не должны сомневаться. **Но** финальный монолог тут звучит смазанно, невнятно* [М. Шимадина. Женовачи прочитали «Записки покойника» // Известия, 2014.02.21].

В примере (39) противопоставлены вывод говорящего, сделанный на основе анализа сложившейся ситуации, который представляется ему оптимальным решением, и не соответствующая ему действительность. В примере (40) также противопоставлен вывод-предположение говорящего (нормально, что в финале пьесы происходит развязка) и реальность, принеся разочарование.

Анализ материала позволяет заключить, что основанием для реализации противительной конструкции *По идее X, sed Y* являются не исключительно противительные, а противительно-уступительные отношения, возникающие между частями высказывания: событие, расцениваемое говорящим как необходимое, несмотря на высокое ожидание (как при обычных употреблениях ЛППС *по идее*, так и в противительных конструкциях частотно «соседство» *по идее* с модальными словами долженствования, необходимости, данная модальность может быть выражена и другими средствами, как-то: тип предложения, значение времени), не реализуется, и между частями конструкции возникают противительные отношения, см. «трансформированные» примеры (39)-(40):

* *несмотря на то что России сейчас как никогда нужна поддержка союзников, они не просто не спешат ее высказать, но просят очень большую цену за сохранение самого союза;*

* *несмотря на то что в успехе второй (попытки самоубийства) мы не должны сомневаться, финальный монолог тут звучит смазано, невнятно.*

Таким образом, форма *по идее* в письменной и устной речи может выступать составной частью аналога двухместного союза, основой реализации противительной конструкции с уступительным значением, что обусловлено, в первую очередь, семантикой исследуемой единицы. Сохраняя свое значение, ЛППС *по идее* выступает лексико-грамматическим средством связи в высказывании, а также может выполнять связующую функцию в рамках текста, связывая высказывания, даже расположенные дистантно. Наличие данных функций у ЛППС *по идее* свидетельствуют о процессах грамматикализации и конъюнкционализации. Сложно предположить, станет

ли рассматриваемая единица полноценным союзом, но выполнение ею союзных функций в современном русском языке не вызывает сомнений. Как отмечается в статье Н. В. Богдановой-Бегларян, «в устной речи обнаруживается еще целый ряд подобных конструкций: *как бы X, sed P; типа X, sed P; якобы X, sed P* (показывают отстраненность говорящего от содержания X)», *вроде X, sed P*, которые обладают устойчивостью и требуют подробного лексикографического описания» (Богданова-Бегларян 2017: 73-74).

Итак, были подробно описаны функции ЛППС *по идее* в устной и письменной речи, а далее хотелось бы подробнее остановиться на особенностях функционирования данной единицы в устной речи.

3.4. ПО ИДЕЕ в роли рефлексива

При анализе материала устной речи было обнаружено, что функции формы *по идее* могут зависеть от занимаемой ею позиции в высказывании. В частности, различаются по функции препозиция и постпозиция по отношению к высказыванию. Из рассмотренных выше примеров становится ясно, что частотно использование *по идее* в препозиции, тогда функции данной ЛППС распространяются на все высказывание, возможно употребление в неначальной и неконечной позициях, когда, соответственно, в высказывании выделяется наиболее важная информация, на которую указывает говорящий, (реализуется актуализирующая функция ЛППС *по идее*) ср.:

- (41) [И72] *В одной из новостей по идее (э-э) будет содержаться табличка / в которой будет указано ваше будущее общежитие (ОРД);*
- (42) [Ю.К., жен, 19] *Кого ты слушаешь? Ю. всю жизнь в лесу прожила // То коту 10 лет / то дубы цветут // [Н., жен] У тебя ума-то нет // [В., жен] Молчи // Ну они же по идее цветут / [Ю.К., жен, 19] Они же / жёлуди вот такие там / [Ю.Л., жен, 21] Они цветут / [В., жен] Да? [Разговор во время похода в лес // Из коллекции Саратовского университета, 2002].*

Отдельно стоит рассматривать случаи, когда *по идее* употреблено в постпозиции по отношению к высказыванию, так как здесь проявляется

специфическая функция исследуемой ЛППС, а именно *по идее* в постпозиции по отношению к высказыванию выступает в роли *рефлекси́ва*.

Появление у ЛППС *по идее* функции рефлекси́ва свидетельствует о ее прагматикализации, то есть утрате (полной или частичной) грамматического и лексического значений и переходе в разряд прагматем с дальнейшим «обслуживанием» коммуникативно-прагматического уровня языка.

Покажем, как реализуется эта функция, на конкретных примерах:

- (43) [Саша, муж, 24] *Там дом надо вообще сносить / по идее*. [Женя, муж, 25] *Не дом / а значит там просто разделительную чуть выдвинуть / я так понимаю / и сделать. Я так думаю / там надо сделать такую... что-то типа коготка вот этого / чтобы вот это...* [Саша, муж, 24] *Не поможет / Женя* [Разговор в офисе страховой компании // Из коллекции НКРЯ, 2006].

Во-первых, говорящий снижает степень категоричности своего высказывания. Во-вторых, важно употребление формы *по идее* в постпозиции по отношению к высказыванию. Говорящий, уже произнеся высказывание, возвращается к нему, «обрывает» его категоричность, как будто извиняется, вводя *по идее*, снимает с себя ответственность, возводя все сказанное в ранг теории, идеи. При этом, снижая категоричность своего высказывания, говорящий дает право собеседнику прокомментировать его, предложить свою точку зрения. При этом видим, что собеседник отвергает высказанное предположение. Таким образом, в данном случае форма *по идее*, выступающая в роли рефлекси́ва, способствует привлечению внимания собеседника, сигнализирует о том, что высказанное суждение нуждается в комментировании, «оглядываясь» на собеседника, говорящий дает ему право высказаться. В целом здесь сохраняются уже указанные функции ЛППС *по идее*, но важно, что говорящий осознанно употребляет *эту единицу* в конце своего высказывания, чтобы все эти функции реализовались, что выглядит это как «подстраховка».

Стоит обратить внимание еще на одну особенность, которая реализуется в примере (43): форма *по идее*, употребляясь в роли рефлекси́ва,

распространяет свое влияние на все высказывание, а не на какую-либо конкретную словоформу.

- (44) [№ 0] *Но через четыре года он и не сможет претендовать на этот пост **по идее*** [№ 8, жен, 25] *В принципе да / но я имею в виду / что может быть тогда уже как бы люди уже / имя на слуху / что вот он баллотировался до этого / и может быть они на это ставку делают* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2004].

В примере (44) говорящий как будто извиняется, здесь также реализуется тактика «отстраненности». Но при этом в данном примере реализуется и другая особенность формы *по идее* в данной функции: «отступая», говорящий дает возможность говорящему отреагировать на произнесенное высказывание, дает ему право прокомментировать, откорректировать сказанное. В таких случаях отражается согласие или несогласие собеседника. Другие подобные примеры:

- (45) [Татьяна, жен, 18] *А ещё / в понедельник курсовую сдаем / по идее* [Лида, жен, 18] *Да* [Татьяна, жен, 18] [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006];

- (46) [№ 7, жен, 32] *Ну в общем-то / у меня такое впечатление создается / что это вообще как бы стабилизация происходит / она выгодна всем **по идее**. Я не знаю / кому она невыгодна должна быть / на мой взгляд / она всем должна быть выгодна / потому что тут как бы и политики уже имеют возможность договориться друг с другом / и народ как бы перестаёт / более спокойный становится / т. е. не дёргается из крайности в крайность* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001].

В примере (46) представлен монолог говорящего. Обратим внимание, что это беседа с социологом, то есть речь публичная. И говорящий пользуется здесь той же тактикой, что и выше, возвращаясь к высказыванию, он снижает его категоричность, использует тактику «отстраненности», «обезличивает» свое высказывание, ссылаясь на идею, теорию, по его мысли, отражающую общее представление об этой ситуации. Стоит обратить внимание на обилие других маркеров оценочного суждения говорящего (в контексте подчеркнуты). Можно ли расценивать это как особенность речи

или как боязнь категоричных высказываний при публичном выступлении? Вопрос, по всей видимости, остается открытым, что часто бывает при анализе материала устной речи.

Учитывая то, что в рассмотренных примерах форма *по идее* употребляется не только в постпозиции по отношению к высказыванию, но также завершает реплику говорящего (там, где представлен монолог, следующая фраза выглядит как ответ на предыдущую, комментарий к ней) можно утверждать, что рефлексив *по идее* выполняет также функцию финального дискурсивного маркера.

Если в рассмотренных выше случаях *по идее* употребляется как рефлексив, и рефлексия говорящего относится к содержанию высказывания, то в анализируемом материале были найдены и случаи употребления этой формы при рефлексировании говорящего по поводу формы выражения мысли, то есть примеры собственно метаязыкового рефлексирования:

(47) [№ 4, муж, 43] *Вот Сазонов. Он был большой начальник. А стал ещё начальником. По идее так если говорить. Какой выбор был? [№ 0] А для вас есть разница в выборах местного уровня... [№ 8, жен, 56] Есть / конечно [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003].*

В примере (47) видим, что говорящий сомневается, считает нужным дать комментарий к собственному высказыванию, ощущая, что выбранная номинация может быть не совсем понятна или даже неправильна. Но такой пример – единственный во всем материале. В других случаях рефлексирование говорящего относится к содержанию высказывания. В попытке снизить категоричность произнесенного, при желании привлечь внимание слушателя, говорящий отстраняется от высказывания, придавая ему вид некатегоричного и давая возможность слушателю комментировать или корректировать его. Неслучайно данная функция реализуется именно в устной речи: разворачиваясь в режиме реального времени, говорящий «на ходу» строит высказывание, и, произнеся его, имеет возможность оценить его содержание и «подкорректировать» сказанное, используя рефлексив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были проанализированы функциональные и семантические особенности лексикализованной предложно-падежной словоформы *по идее* в устной и письменной русской речи, а также были рассмотрены особенности употребления данной единицы в качестве союза, что подтверждает возможность регулярного пополнения союзных средств современного русского языка. Исследование позволило сделать ряд выводов.

1. *По идее* является полифункциональной лексикализованной предложно-падежной словоформой. Процессы фразеологизации и лексикализации, которые легли в основу образования исследуемой единицы, способствовали появлению у нее новых значений и функций, а также активному употреблению в качестве независимой единицы речи.

2. В современном русском языке *по идее* представляет собой синкретичное образование: семантические и функциональные изменения позволяют представить процесс перехода данной единицы из сочетания предлога с именем существительным в застывшую форму, функционирующую в речи в качестве модального слова, показателя неуверенности говорящего и способа снижения категоричности высказывания. Такой переход возможен благодаря трансформации значения производного существительного: на первый план выступает значение существительного *идея* 'основной принцип устройства чего-либо', которое, благодаря переносу, становится применимым к любой ситуации. Говорящий, анализируя окружающую действительность, выстраивает модели развития для происходящих событий, которые, в его понимании, должны ориентироваться на некую «норму» или «идею». Переходные этапы в развитии специфического значения ЛППС *по идее* демонстрируют большее проявление лица, вплоть до выражения субъективной модальности.

3. *По идее* относится к группе лексикализованных предложно-падежных словоформ с обобщающее-ограничительным значением, которое заключается в актуализации одной трактовки ситуации при наличии других,

альтернативных, трактовок. Обобщение-ограничение проходит в плоскости «идеальное – действительное» (в случаях, когда *по идее* указывает на норму, правило или предположение, основанное на причинно-следственных связях, нормальном ходе вещей). Данная специфика значения ЛПС *по идее* способствует ее частотному употреблению в текстах, в которых возникает противопоставление.

4. *По идее* может выполнять роль текстовой скрепы, связывая высказывания противительными отношениями, что представляется переходным этапом к выполнению союзной функции.

5. Лексикализованная предложно-падежная словоформа *по идее* может выполнять служебную функцию в устной и письменной русской речи, выступая частью аналога двухместного союза в конструкции *По идее X, sed Y*, в которой X и Y противопоставлены друг другу как идеальное – реальное, должное – произошедшее. Реализуемая противительная конструкция обладает также уступительным значением. В данной конструкции *по идее* выступает как лексико-грамматическое средство связи, а вопрос перехода данной единицы и подобных ей (*вроде, как бы, в целом, в основном, якобы*) в союзы остается открытым.

6. Важной функцией формы *по идее* в устной и письменной речи является снижение категоричности высказывания, превращение высказывания в некатегоричное. Говорящий таким образом стремится продемонстрировать, что его суждение не является неоспоримым, единственно возможным, что позволяет построить продуктивный диалог с собеседником (в обмене мнений и оценок). Пожалуй, эта функция является главной для словоформы *по идее*, так как отсылка к некой идее (по своему образованию *по идее* становится в один ряд с модальными лексемами, указывающими на источник сообщения), снимает ответственность за сказанное с самого говорящего, фактически деавторизирует высказанную мысль. На это же указывают и функции словоформы *по идее* в речи, ее употребление в контекстах, в которых происходит отсылка к норме,

правилам, обязанностям, долгу и оценке. Данная особенность единицы *по идее* представляет интерес для дальнейшего исследования, с точки зрения сравнения с подобными единицами, а также с точки зрения анализа речевого поведения человека.

7. В устной речи *по идее* может выполнять роль рефлексива, употребляясь в постпозиции по отношению к высказыванию, при этом говорящий стремится реализовать ту же стратегию, что и при нормальном употреблении *по идее* (в начальном или срединном положении в высказывании), т. е. снижение категоричности и деавторизация суждения.

Как показал проведенный анализ корпусного материала, форма *по идее* активно употребляется и в устной, и в письменной речи, поэтому необоснованно отнесение данной единицы исключительно к средствам разговорного языка, что можно наблюдать в некоторых словарях русского языка. Подтверждается сложность анализа полифункциональных единиц и необходимость выработки структурированного подхода к их описанию. Настоящий анализ не претендует на полноту и законченность, так как охватил лишь малую часть возможностей изучения и описания речевых единиц в современной лингвистике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАС	– Большой академический словарь русского языка
БТС	– Большой толковый словарь русского языка
ГП	– газетный подкорпус Национального корпуса русского языка
ЗКРЯ	– Звуковой корпус русского языка
ЛППС	– лексикализованная предложно-падежная словоформа
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
ОРД	– модуль «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка
УП	– устный подкорпус Национального корпуса русского языка
ВНС	– British National Corpus

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ

1. *БАС – Большой академический словарь русского языка*. В 30 т. Т. 7 / Ред. К. С. Горбачевич – М., СПб.: Наука, 2007. – 728 с.
2. *БТС – Большой толковый словарь русского языка* / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. *Грамота* *ру* // URL: http://new.gramota.ru/spravka/punctum?layout=item&id=58_553 (дата обращения: 13.05.2018).
4. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. – 1112 с.
5. *Национальный корпус русского языка (НКРЯ)* // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 13.04.2018).
6. *Рогожникова Р. П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. – М.: Астрель, 2003. – 416 с.
7. *Тришин В. Н.* Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS // URL: <http://trishin.net/> (дата обращения: 09.05.2018).
8. *British National Corpus (BNC)* // URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 13.04.2018).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 256 с.
2. *Апесян В. Ю.* Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.
3. *Апресян В. Ю., Шмелев А. Д.* Семантика и прагматика *последнего* и *предпоследнего* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). Вып. 15 (22). – М.: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 28-39.
4. *Асиновский А. С., Богданова Н. В., Рыко А. И., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус как материал для многоуровневого анализа русской речи и база для различных инновационных проектов // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва. 20-23 марта 2010 года. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический ф-т, 2010. – С. 510-511.
5. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
6. *Бабайцева В. В.* Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1967. – 390 с.
7. *Бабайцева В. В.* Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // Русский язык в школе. – 1971, № 3. – С. 81-84.
8. *Бабайцева В. В.* Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. – 1983, № 5. – С. 35-42.
9. *Бабайцева В. В.* Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сборник научных трудов. – М.: Прометей, 1991. – С. 3-14.
10. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
11. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. – 416 с.
12. *Богданов С. И., Смирнов Ю. Б.* Переходность в системе частей речи. Субстантивация: Учебное пособие. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. – 58 с.

13. *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 3 (27), 2014.– С. 7–20.
14. *Богданова-Бегларян Н. В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. – 2015, № 3. – С. 11-17.
15. *Богданова-Бегларян Н. В.* Функционирование некоторых прагматем русской устной речи в коммуникации представителей разных социальных групп // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 2 (34), 2016. – С. 38–49.
16. *Богданова-Бегларян Н. В.* О некоторых грамматических новациях русской устной речи // Слово. Словарь. Словесность: Традиции и новации в русском языке (к 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина). Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 16-18 ноября 2016 г. / Отв. ред. *В. Д. Черняк*. – СПб.: САГА, 2017. – С. 72-78.
17. *Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. *Д. Шумска, К. Озга*. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015a. – С. 357–372.
18. *Богданова-Бегларян Н. В., Баева Е. М., Блинова О. В., Ермолова О. Б., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* О социологическом расширении звукового корпуса «Один речевой день» // XLIV Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 года. Тезисы. – СПб., 2015б. – С. 554-555 / URL: <http://www.conference-spbu.ru/conference/30/reports/1962/>.
19. *Богданова-Бегларян Н. В., Баева Е. М., Блинова О. В., Ермолова О. Б., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка как база для социолингвистических исследований // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы конференции // <http://www.dialog-21.ru/digest/2015в/?type=conference>.
20. *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скредин*. – СПб.: Политехника-принт, 2017. – С. 14-20.

21. *Валимова Г. В., Покусаенко В. К.* Переходные конструкции в области сложного и простого предложений. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. – 135 с.
22. *Васильева Н. В.* Союз // Лингвистический энциклопедический словарь / Под. ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – С. 484-485.
23. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
24. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.
25. *Демин В. А.* Корпусная оценка сочетаемости слов с использованием бинарных аналогий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог – 2002» // URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/demin/> (дата обращения: 13.04.2018).
26. *Захаров В. П.* Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 48 с.
27. *Захаров В. П., Богданова С. Ю.* Корпусная лингвистика. – Иркутск: Иркутский гос. лингвистический ун-т, 2011. – 161 с.
28. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
29. *Казак М. Ю.* Язык газеты. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 120 с.
30. *Калечиц Е. П.* О составе явлений, рассматриваемых как переходные в области частей речи // Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сборник научных трудов. – М.: Прометей, 1991. – С. 38-44.
31. *Кибрик А. А., Подлесская В. И.* (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
32. *Колмогорова А. В.* «Как бы не я и как бы не с тобой»: прагматика референциального смещения в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). Вып. 15 (22). – М.: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 264-276.
33. *Крылова Г. М.* Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением. Дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2002. – 197 с. (машинопись)

34. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. – С. 57-70.
35. *Лингвистика конструкций* / Отв. ред. *Е. В. Рахилина*. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. – 584 с.
36. *Лопатин В. В.* Адъективизация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания. – 1966, № 5. – С. 37-47.
37. *Лопатин В. В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 295-333.
38. *Мигирин В. Н.* Процессы переходности на уровне членов предложения // Филологические науки. – 1968, № 2. – С. 41-52.
39. *Мигирин В. Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. – Бельцы, 1971. – 199 с.
40. *Милянчук Н. С.* Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2005. – 24 с.
41. *Милянчук Н. С.* Лексикализованные предложно-падежные словоформы как средство снижения категоричности высказывания // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сборник статей к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / Отв. ред. *Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук*. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 162-172.
42. *Перцов Н. В.* О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». – СПб.: Изд-во СПбГУ, Изд-во РХГА, 2006а. – С. 318-331.
43. *Перцов Н. В.* К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. – 2006б, № 1 (11). – С. 227-245.
44. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
45. *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 6-20.
46. *Плунгян В. А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008, № 2 (16). – С. 7-20.

47. *Прияткина А. Ф.* Союзные конструкции в простом предложении современного русского языка. Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1977а. – 402 с. (машинопись).
48. *Прияткина А. Ф.* Союзные конструкции в простом предложении современного русского языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1977б. – 48 с.
49. *Прияткина А. Ф.* Союз и его функциональные аналоги // Синтаксические связи в русском языке / Отв. ред. А. Ф. Прияткина. – Владивосток: ДВГУ, 1978. – С. 45-56.
50. *Прияткина А. Ф.* Конструкция в ее отношении к синтаксическим единицам // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007а. – С. 38-41.
51. *Прияткина А. Ф.* О перспективах применения понятия «конструкция» к изучению сложного предложения // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007а. – С. 41-51.
52. *Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А.* Текстовые скрепы // Служебные слова в лексикографическом аспекте. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. – С. 234-239.
53. *Ражева А. И.* Употребление дискурсивных маркеров «По сути» и «По идее»: семантический и пунктуационный аспекты // Science Time. – 2015, № 1 (13). – С. 383-388.
54. *Разумовская В. А., Кононова В. А.* Корпусный подход к фиксации новых речевых явлений (на материале лексемы knowledge) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. – 2016, № 1. – С. 37-46.
55. *Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г.* Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка // Вопросы языкознания. – 2016, № 2. – С. 7-21.
56. *Русская грамматика / Н. Ю. Шведова* (гл. ред.). Т 1. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
57. *Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
58. *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.

59. *Сергеева Г. Н.* Слова-гибриды. Вступительная статья // Словарь служебных слов русского языка / *А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева и др.* – Владивосток: ДВГУ, 2001. – 363 с.
60. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. – М.: Филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 261 с.
61. *Солганик Г. Я.* О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие / Под ред. *М. Е. Володиной.* – М.: МГУ, 2003. – С. 6-23.
62. *Степанова С. Б., Асиновский А. С., Богданова Н. В., Русакова М. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус как способ мониторинга фиксации разных форм естественного языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2009) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик.* – М.: РГГУ, 2008. – С. 38-44.
63. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
64. *Черкасова Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. – М.: Наука, 1967. – 279 с.
65. *Черкасова Е. Т.* Русские союзы неместоименного происхождения. – М.: Наука, 1973. – 221 с.
66. *Чеснокова Л. Д.* Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. М-лы для спецкурса. – Таганрог: ТГПИ, 1996. – 210 с.
67. *Что такое корпус?* // URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html> (дата обращения: 12.05.2018).
68. *Шабалина Т. Я.* Структура и семантика безлично-инфинитивных предложений переходного типа в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 18 с.
69. *Шахматов. А. А.* Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1952. – 272 с.
70. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 378 с.
71. *Шерстинова Т. Ю.* Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции

- «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). Вып. 15 (22). – М.: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 616-631.
72. *Шигуров В. В.* Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: Учебное пособие. – Саранск: Изд-во Саратовского ун-та, Саранский филиал, 1988. – 87 с.
73. *Шнырик Е. А.* Лексикализованная словоформа «по идее» в аспекте текстообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – №5 (71) в 3-х ч.: Ч. 3, 2017. – С. 165-169.
74. *Штайн К. Э.* Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. Сборник статей научно-исследовательского семинара «ТЕХТУС». Вып. 7 / Под. ред. К. Э. Штайн. – М., Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 11-26.
75. *Штыкало Н. И.* Лексическое значение и функциональные особенности слова (от знаменательного слова к служебному) // Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сборник научных трудов. – М.: Прометей, 1991. – С. 78-88.
76. *Щерба Л. В.* Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений // Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Том 1. / Отв. ред. М. И. Матусевич. – Л.: ЛГУ, 1958. – С. 35-39.
77. *Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation / *Matoušek, V., Mautner, P.* (eds.) TSD 2009. LNAI, vol. 57292009. – Springer, Berlin-Heidelberg, 2009. – Pp. 250–257.
78. *Enikeeva, E. V., Mitrofanova, O. A.* Russian Collocation Extraction Based on Word Embeddings // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2017). Vol. 1. – М.: RSUH Press, 2017. – Pp. 52-64.
79. *Fillmore, Ch. P., Kay, P., O'Connor, C.* Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: the Case of *let alone* // *Language*. – 1988. Vol. 64, № 3. – Pp. 501-538.
80. *Goldberg, A. E.* A Construction Grammar Approach to Argument Structure. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995. – 265 p.
81. *Leech, G., Rayson, P., Wilson, A.* Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus. – London: Longman, 2001. – 320 p.
82. *Mc Enery, T., Wilson, A.* Corpus Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1996. – 235 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Распределение по годам лексикализованной предложно-падежной словоформы ПО ИДЕЕ в основном подкорпусе НКРЯ

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

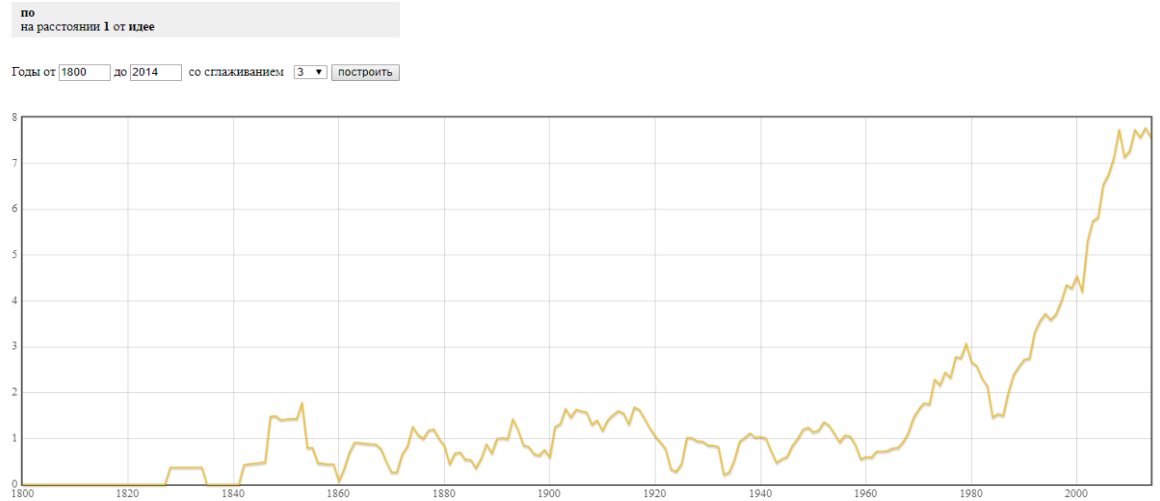

Рис. 4. Распределение по годам лексикализованной предложно-падежной словоформы ПО ИДЕЕ в основном подкорпусе НКРЯ (частота на миллион словоформ) (по данным с сайта НКРЯ)